

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(**Н И У « Б е л Г У »**)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА И
СПОСОБЫ ЭКСПРЕССИВИЗАЦИИ
ДИСКУРСИВНО - ТЕКСТОВОГО
ПРОСТРАНСТВА**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.04.01 Педагогическое образование,
магистерская программа «Языковое образование»
заочной формы обучения, группы 02031554
Иванюта Кристины Валерьевны

Научный руководитель
доктор филологических наук,
профессор Нагорный И.А.

Рецензент
к.фил.наук, доцент,
профессор кафедры филологии
СОФ НИУ «БелГУ»
Семененко Н.Н.

БЕЛГОРОД 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Категория экспрессивности и система языковых средств и способов экспрессивизации дискурсивно-текстового пространства	7
1.1. Понятие экспрессии и дискурсивно-текстового пространства в антропоцентрическом аспекте.....	7
1.2. Языковые и внеязыковые средства и способы экспрессивизации речи.....	21
1.3. Специфика функционирования экспрессивизаторов в тексте.....	26
Выводы к главе I.....	33
Глава II. Специфика функционирования языковых средств и способов экспрессивизации дискурсивно-текстового пространства в произведениях Н.В. Гоголя	36
2.1. Лексические средства экспрессивизации дискурсивно-текстового пространства.....	36
2.2. Словообразовательные средства экспрессивизации дискурсивно-текстового пространства.....	50
2.3. Морфологические средства экспрессивизации дискурсивно-текстового пространства.....	59
2.4. Синтаксические способы экспрессивизации дискурсивно-текстового пространства.....	67
Выводы к главе II.....	76
Заключение	78
Список использованной литературы	81

ВВЕДЕНИЕ

Развитие науки о языке привело к тому, что, начиная с середины XX века, лингвистика от изучения языковых единиц (т.е. статики) переходит к рассмотрению различных аспектов, связанных с использованием этих единиц человеком (т.е. динамики).

По выражению В.Г. Гака, лингвистика ставит человека в центр научного творчества [1998: 204]. Следовательно, ведущий принцип при изучении языковых явлений – антропоцентризм. Именно с этого времени все вопросы, связанные с субъективным началом в языке, вызывают острый интерес ученых.

Согласно последним тенденциям в языкознании, актуальным является целостное изучение языка, когда предметно-логическое, понятийное и субъективное, эмоциональное взаимно дополняют друг друга. Более того – предметно-логическое можно изучить в полном объеме только в гармонии с субъективным. Выражением же субъективности в языке и речи прежде всего являются экспрессивные средства, при помощи которых через призму восприятия субъектом (человеком) определяются качества предмета [Бабайцева, 2006: 55].

Вот уже на протяжении многих десятилетий феномен экспрессивности остается одним из актуальных и дискуссионных в лингвистической науке. В силу своей «многоликости» [Шаховский, 1987: 88] – явление экспрессивности представлено на всех уровнях языка, текста и речи – данная категория не получила однозначного и непротиворечивого толкования. До сих пор среди лингвистов нет единого мнения по поводу природы, сущности, содержания экспрессивности; вследствие этого нет и единой концепции, что и обуславливает **актуальность** темы данного исследования.

Объектом реферируемого **исследования** являются художественные произведения Н.В.Гоголя. Выбор трудов писателя был обусловлен широким разнообразием экспрессивизаторов всех языковых уровней.

Предмет настоящей **работы** – языковые средства и способы экспрессивизации дискурсивно-текстового пространства в русском языке. Было рассмотрено три группы средств, выделенных в соответствии с языковыми уровнями: лексические, словообразовательные, морфологические, а также синтаксические способы экспрессивизации.

Основная **цель диссертации** заключается в исследовании специфики функционирования языковых средств и способов экспрессивизации дискурсивно-текстового пространства.

Реализация сформулированной таким образом цели исследования предполагает решение следующих **задач**:

1. Исследовать научную литературу, посвященную экспрессивизации, и выявить функциональность данной категории и основные способы экспрессивизации дискурсивно-текстового пространства;
2. Выявить средства и способы экспрессивизации дискурсивно-текстового пространства в художественных произведениях;
3. Проанализировать особенности экспрессивизации дискурсивно-текстового пространства в произведениях Н.В. Гоголя и систематизировать их.

Основная **гипотеза диссертации**: наибольшим потенциалом для экспрессивизации пространства художественного текста обладают лексические экспрессивизаторы.

Научная новизна результатов исследования заключается в систематизации языковых средств и способов экспрессивизации дискурсивно-текстового пространства применительно к идиостилю Н.В. Гоголя. Впервые языковые средства и способы экспрессивизации дискурсивно-текстового пространства были проанализированы на основе цикла произведений Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что полученные в ходе исследования результаты и сделанные выводы могут способствовать продолжению разработки системы средств и способов

экспрессивизации дискурсивно-текстового пространства относительно идиостиля Н.В. Гоголя.

Практическая значимость работы заключается в анализе и описании большого и разнообразного фонда языковых средств и способов экспрессивизации дискурсивно-текстового пространства трудов Николая Васильевича Гоголя. Картотека насчитывает более трехсот примеров, которые могут быть использованы при анализе языковых средств и способов экспрессивизации дискурсивно-текстового пространства других произведений, а также при изучении данного направления в вузе и профильных классах школы.

Методы исследования вытекают из общей цели и задач и предполагают проведение следующих типов анализа:

1) лингвистического наблюдения - для выделения языковых средств и способов экспрессивизации дискурсивно - текстового пространства и их последовательном описании с точки зрения их структуры и функционирования в художественных текстах;

2) сопоставительного анализа - для выявления специфики языковых средств и способов экспрессивизации дискурсивно-текстового пространства;

3) компонентного анализа - для выявления семного состава лексических единиц исследуемых художественных текстов;

4) контекстного анализа - для рассмотрения экспрессивной лексики в контексте анализируемых художественных текстов;

5) элементов суперлинейного анализа, дающих возможность проникнуть вглубь семантической структуры лексических единиц и тем самым проследить процесс их стилистической актуализации для установления механизма создания экспрессивности текстов.

Апробация исследования. По теме исследования была опубликована 1 научная работа. Статья была защищена на IX международном молодежном научном форуме «Белгородский диалог – 2017» в г. Белгород в НИУ «БелГУ».

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы.

Глава I. КАТЕГОРИЯ ЭКСПРЕССИИ И СИСТЕМА ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ И СПОСОБОВ ЭКСПРЕССИВИЗАЦИИ ДИСКУРСИВНО-ТЕКСТОВОГО ПРОСТРАНСТВА

В рамках первой главы настоящего диссертационного исследования мы отразим нашу позицию в отношении такого многоаспектного, относящегося к элементам нечеткой семантики явления, как экспрессивность, а также сопряженных с ним понятий: «дискурс», «дискурсивно-текстовое пространство» и др. Как известно, очень многие подходы, связанные с выразительностью, до сих пор являются дискуссионными. Немаловажная роль отводится обзору методологических взглядов к изучению семантики субъективности в языке, в котором очерчивается научный контекст нашего диссертационного исследования.

1.1. Понятия «экспрессия» и «дискурсивно-текстовое пространство» в антропоцентрическом аспекте

Представление мира как информационной матрицы вызвало необходимость поиска учеными универсальной информационной единицы, которая могла бы стать структурным элементом информационного пространства в процессе бесперебойной интерпретации и создания разноуровневых, стилистически разрозненных текстовых элементов. Подобные поиски привели к выделению категории текста; выявленные структурные категории и свойства текста (связность, целостность, диалогичность, эстетичность, интерпретируемость и проч.) позволили говорить о нем как о явлении относительно статичном и герметичном, оставляя открытым вопрос о взаимодействии текстов в социокультурном пространстве и о его динамических свойствах. На сегодняшний день наиболее адекватным термином для комплексного многоаспектного

описания результатов текстовой деятельности человека является понятие «дискурс» и «дискурсивное пространство» [Батталова, 2015: 1300].

В современных гуманитарных науках «пространство» используется в составе различных терминологических и понятийных словосочетаний: образовательное, культурное, межличностное, информационное, когнитивное, мифологическое, языковое и т. д. Основополагающими для всех направлений являются философские представления о пространстве, которое оценивается на основе понимания видов деятельности: разные виды деятельности человека формируют свои пространства. Иными словами, трудовая деятельность образует трудовое пространство, учебная – учебное и т. д. Совокупность всех видов человеческой деятельности составляет жизненное пространство, или пространственную картину мира, в которой общество существует. По мнению Ю.М. Лотмана, феномен пространственной картины мира многомерен, так как соединяет в своей структуре мифологическую составляющую, научные представления, бытовой «здоровый смысл» и др. [Лотман, 1996: 296]. Этот антропологический подход во второй половине XX - начале XXI вв. был перенесен в большинство гуманитарных наук, где закрепилось образное метафоричное представление о пространстве как о некоем мерном вместилище, определенном порядке вещей, а также коммуникативной системе.

Говоря о пространстве, необходимо остановиться на понятиях «текст» и «дискурс» в том виде, в котором они представлены в работе Ю.Е. Прохорова «Действительность. Текст. Дискурс» [2004: 224].

В данной книге дискурс определяется как экстравертивная фигура коммуникации: «совокупность вербальных форм практики организации и оформления содержания коммуникации представителей определенной лингвокультурной общности», а текст как интровертивная фигура коммуникации: «совокупность правил лингвистической и экстралингвистической организации содержания коммуникации»

представителей определенной лингвокультурной общности» [Там же, 2004: 34].

В процессе анализа понятий Ю.Е. Прохоров обращается к концепции, исходя из которой «любое речевое произведение есть текст, который служит действительным средством человеческого общения. Текст имеет своего «напарника» в виде дискурса. Дискурс – это текст в действии. Они подчиняются закону взаимопроникновения. Это означает, что в тексте есть элементы дискурса, а в дискурсе есть элементы текста» [Там же, 2004: 31].

Текст существует не как самоцель. Он функционирует в речи в виде дискурса. Любой текст, в том числе и художественный, создаётся с целью стать не только фактом «для себя», но и фактом «для других», элементом, участником некоторого более широкого состояния взаимодействия. Таким же реальным элементом, участником «состояния взаимодействия» является и дискурс – он из него и происходит.

Если рассматривать произведение художественной литературы, то оно понимается как текст, который обладает большим или меньшим авторским дискурсивным потенциалом, т.е. способностью реализоваться в речевой деятельности.

Говоря о дискурсе, важно отметить то, что имеющиеся дискурсивные поля возникают как реакция на какую-либо действительность или реальность. Дискурс возникает в том случае, когда текст начинает обсуждаться, цитироваться, попадает в поле зрения многих людей. Иными словами, текст обретает жизнь. В. И. Ильин подчеркивает способность дискурсивных полей порождать новые поля, которые чаще всего оказываются более узкими по содержанию [2008: 70].

Считается, что выделять в качестве основного в таком многоаспектном понятии, как дискурс, только один аспект неправомерно. Важно отметить следующие категории дискурсивного поля, которые выполняют роль макрокомпонентов в его структуре: текст, дискурс, культура, константы (ценности) культуры.

Представляется интересной точка зрения Н.Д. Арутюновой, согласно которой дискурс – это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [1999: 136-137].

В. В. Красных расширяет исследуемое понятие и перемещает познавательный фокус с текста на говорящего человека, определяя дискурс как «вербализованную речемыслительную деятельность» [1998; 190-192].

М. Я. Дымарский подчеркивает коммуникативную функцию дискурса: «Дискурс, в сущности, лишь способ передачи информации, а не средство ее накопления и умножения; дискурс не является носителем информации» [1998: 23].

Таким образом, поддерживая мнения различных ученых, можно сделать вывод о том, что дискурс – это определенная надтекстовая (но не внетекстовая) коммуникативно и ситуативно обусловленная информационная единица реальности. Эта позиция будет являться ключевой в данном диссертационном исследовании.

Для глубокого понимания рассматриваемого понятия, необходимо, исходя из анализа различных точек зрения лингвистов, указать на две главных сущности дискурса:

1. Динамический процесс языковой деятельности, вписанной в ее социальный контекст.
2. Текст, как результат языковой деятельности.

Проанализировав положения ученых о дискурсе, можно прийти к выводу о том, что текст представляет собой некоторое статичное единство, формальную конструкцию, оживающую в дискурсивном пространстве в режиме реального времени с учетом нелингвистических факторов. Соответственно, применительно к настоящему исследованию дискурс будет

трактоваться в качестве живого динамичного образования из включенных в него текстовых единств различного порядка, связанных между собой.

Для понимания дальнейшего анализа дискурса, необходимо рассмотреть некоторые понятия, непосредственно с ним связанные:

1. Языковая личность, по Караулову Ю.Н., это «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений, которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью» [2007: 216- 237].

2. «Языковая картина мира» - это «взятое во всей совокупности, все концептуальное содержание данного языка» [Караулов, 1979: 264].

3. Концепт - это оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике [Кубрякова, 2009: 116].

Характеристика текстового дискурса как репрезентанта когнитивного стиля языковой личности обусловлена следующими факторами.

Во-первых, текстовый дискурс является пространством реализации индивидуальной картины мира языковой личности. Смысловое пространство дискурса, его информационное поле, а также используемые в нём доминантные концепты определяются интеллектуальным уровнем, направленностью профессиональной деятельности и, в целом, когнитивной компетенцией языковой личности.

Во-вторых, формальная организация дискурса является свидетельством структурированного представления информации языковой личностью. Несмотря на то, что типы институциональных дискурсов имеют достаточно устойчивую формальную организацию, количество структурных частей и их конфигурация в текстовом пространстве различаются у разных типов языковых личностей.

В-третьих, в текстовом пространстве использованием специфических субъективно-оценочных и образных элементов эксплицируются модели

стратегий и оценок языковой личности, благодаря которым индивидуальность автора и особенности его когнитивного стиля проявляются особенно ярко.

По утверждению А.Р. Арутюняна, человек получает из произведений художественной литературы огромный процент знаний об окружающем мире, о жизни. В отличие от музыки или живописи, ориентированных практически полностью на оказание эмоционального и эстетического воздействия путем непосредственного влияния на органы слуха и зрения, художественная литература в подавляющем большинстве случаев оказывает это воздействие через сообщение определенной информации. Более того, создание художественного образа – не цель литературного произведения, а также средство передачи информации, особый способ оказания воздействия на читателя [Сосновская, 1974: 93].

Для детального анализа понятийного смысла дискурсивно – текстового пространства, его экспрессивизации остановимся на цикле рассказов «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя. Выбор был обусловлен широким разнообразием экспрессивизаторов всех языковых уровней, в чем полностью заключается отражение мотивации диссертационного исследования.

Нужно отметить, что в художественном тексте передается информация и интеллектуальная, и эмоциональная, и эстетическая. Все эти виды информации передаются через рациональное, эмоциональное и эстетическое воздействие на получателя. Такое воздействие достигается с помощью языковых средств всех уровней, что более детально рассмотрено во II главе нашей работы. Для этого используется и ритмическая организация текста, и фоносемантика, и лексическая семантика, и грамматическая семантика, и многие другие средства.

Воплощение семантики художественного образа осуществляется посредством лексических и синтаксических выразительных, а также стилистических способов. Общеизвестна зависимость эмоционального и эстетического воздействия литературы при восприятии ее содержания от

сочетания обеих реализаций – звуковой и графической. Это справедливо и для художественного образа.

Помимо содержательной информации, которая передает то или иное сообщение, текст также может содержать некоторую дополнительную информацию. Например, отношение автора высказывания к передаваемой им информации.

Отношение самого Н.В. Гоголя к сверхъестественным явлениям ироническое («Ночь перед Рождеством»). Оно буквально пронизывает ткань повести. Как, к примеру, описана причина особой “нелюбви” черта к кузнецу Вакуле. Кузнец слыл за хорошего художника, он изобразил “Святого Петра, в день Страшного суда...изгоняющего из ада злого духа; испуганный черт метался во все стороны, предчувствуя свою гибель, а заключенные прежде грешники били и гоняли его кнутами, пеленами и всем чем ни попало...черт всеми силами старался мешать кузнецу...но работа была кончена, доска внесена в церковь и вделана в стену притвора, и с той поры черт поклялся мстить кузнецу”.

В современной общей психологии эмоции рассматриваются как сложные многоаспектные психологические образования, выполняющие и отражательные (познавательные), и регуляторные функции. Наиболее значительные успехи в теоретической разработке данной проблемы были достигнуты «деятельностным» направлением (А.Н. Леонтьев, В.К. Виллюнас, О.К. Тихомиров и другие) [Хомская, 1998: 52].

Как известно, эмоция – это рефлекторная психологическая реакция организма, в основе которой лежит личностное субъективное отношение к ситуации. Данная реакция является естественным ответом на раздражение со стороны окружающей среды. Радоваться ли человеку, гневаться, оставаться спокойным в тот или иной момент – за все это отвечает механизм эмоций. Эмоции не содержат в себе информации об объектах окружающей действительности, они лишь выражают отношение к этим объектам.

Язык как предмет социума служит инструментом передачи различной информации, в том числе и эмоциональной. Эмоциональное отношение к различным предметам действительности выражается в языке на многих уровнях: как на уровне словообразования (*пребольшое* здание), так и на уровне синтаксиса (восклицательное предложение).

Таким образом, понятие «эмоциональность» является характеристикой человека, его способностью формировать переживания по поводу той или иной ситуации действительности. Другая важная составляющая эмоциональной информации – это оценка.

З.Х. Ибадильдина подразумевает под оценочностью семантическую категорию (компонент), заключающийся в способности языковой единицы характеризовать обозначаемое в рамках оппозиции «хорошо/плохо» [1997, 36].

Интересной кажется точка зрения Д.Б. Токтамысовой, которая интерпретирует языковую оценку как «общественно закреплённое, социально устоявшееся отношение носителя языка к внеязыковому объекту, понимаемому в широком смысле как лицо, предмет, явление действительности и т.п.» [1996: 20-21].

Оценка является строительным материалом эмоций. Именно предварительная оценка того или иного предмета или события действительности влечет за собой последующую эмоциональную реакцию. Этот процесс происходит автоматически, так как в своей повседневной деятельности человек привык анализировать поступки окружающих людей и себя самого, привык выражать свое отношение к различным объектам и явлениям.

При любом внутреннем или внешнем раздражении (событии) сначала происходит оценка этого события, а затем уже, по результатам проведенного оценивания, происходит формирование эмоции. Например, ситуация, когда человека повышают на работе. В момент, когда он узнает об этом, мозг автоматически начинает производить оценку, анализировать новую

ситуацию и сопутствующие обстоятельства – повышение это рост зарплаты (радость), а также повышение это новые обязанности (переживание); новость об этом человек узнает в строгой, официальной обстановке, поэтому радость, возможно, придется сдерживать. Такие механизмы оценивания работают у человека постоянно, и лежат в основе появления любой эмоции.

Предпринятый научный поиск показал, что семантическая категория оценки причисляется к одной из семантических универсалий в языке, так как она пронизывает собой буквально весь язык. В связи с тем, что каждое слово в языке связано с той или иной степенью, с тем или иным видом оценочной коннотации или с потенциальной ее возможностью, реализующейся в разнообразных конкретных ситуациях, категория оценки оказывается как бы «разлитой» по всему словарному составу языка [Коноваленко, 1997: 9].

Семантическая категория оценки может проявляться по-разному: посредством словообразовательных возможностей; коннотативного компонента в именах собственных, метафорических проявлениях коннотации и фразеологических единицах как носителей коннотации.

Произведения Николая Васильевича Гоголя - это особое и насыщенное поле для исследования коннотации.

Так, например, метафора является средством проявления коннотации. В рассказе «Сорочинская ярмарка» описывается летний день: «Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии! Как томительно жарки те часы, когда полдень *блещет* в тишине и зное и *голубой неизмеримый океан, сладо- страстным куполом нагнувшийся над землю*, кажется, заснул, весь потонувши в неге, обнимая и *сжимая прекрасную в воздушных объятиях своих!..*». Здесь мы можем проследить коннотацию радости, восторга, счастья от летнего дня в Малороссии.

Следующее понятие, тесно связанное с эмоциональной информацией – это экспрессивность. Экспрессивность является характеристикой языка и его элементов.

Формальные, семантические и функционально-прагматические аспекты категории экспрессивности подчеркиваются в определении

Б. Тошовича: «Экспрессивность - это категория, (1) охватывающая 22 гомогенные и гетерогенные связи формальных, семантических, функциональных и категориальных единиц, (2) отражающая и выражающая сознательное, целенаправленное, субъективное, эмоциональное и эстетизированное отношение А (отправителя, автора, говорящего) к В (получателю, реципиенту, собеседнику) или С (предмету, содержанию сообщения), (3) обладающая функцией воздействия и (4) служащая для подчеркивания, усиления, актуализации в процессе общения» [Тошович, 2006: 9].

Как показал анализ научной литературы, категория экспрессивности имеет в языке длительную традицию. В теоретических исследованиях со времен античности фигурирует понятие «экспрессия», которое обозначает в переводе с латинского (*expressio*) «выражение». Понятие «выразительность» определяется как особо выделенный, подчеркнутый способ выражения мыслей и чувств и нередко отождествляется с понятием «экспрессивность».

Лингвистический энциклопедический словарь дает следующее определение экспрессивности: «совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи» [1990: 591].

«Экспрессия», как пишет Г.Н. Акимова в своем труде «Экспрессивные свойства синтаксических структур», имеет в лингвистической литературе различные толкования как применительно к языку вообще, так и к различным его уровням. Точный перевод самого слова экспрессия – «выражение» вызывает мысль об экспрессивности языковых средств как их выразительных возможностях, т.е. специально стилистическом приеме. Этому противостоит другая точка зрения, которая основана на смешении экспрессивного и эмотивного в языке [1988: 15-20].

Д.С. Писарев в работе «Прагматические аспекты функционирования языка» относит экспрессивность к прагматическим категориям и также отмечает, что во многих исследованиях не всегда четко проводится разграничение понятий «эмоциональность» и «экспрессивность». Категории «эмоциональность» и «экспрессивность» являются соотносимыми, а главное различие между ними состоит в следующем: если основной функцией эмоциональности является чувственная оценка объектов внеязыковой действительности, то экспрессивность – это целенаправленное воздействие на слушателя с точки зрения впечатляющей силы высказывания, выразительности [1983: 114-125].

Проанализировав точки зрения ученых, мы решили остановиться на следующем определении понятия «экспрессивность»: «экспрессивность» – это категория, ориентированная на адресата, т.е. имеющая прагматическое значение.

Большинство исследователей все же не объединяет экспрессивность и эмоциональность в одно совмещенное понятие, а рассматривает их как отдельные и самостоятельные явления.

Считается, что экспрессивность и эмоциональность взаимосвязаны, но не тождественны и не равны друг другу. Экспрессивность - эмоциональность способна «пронизывать как эмоциональное, так и интеллектуальное в их проявлении». Отсюда следует, что эмоциональность и экспрессивность соотносятся между собой как часть и целое.

Экспрессивность – это набор разноуровневых параметров высказывания, которые помогают адресанту сообщения выразить отношение к окружающей и внутренней действительности.

Интересна точка зрения Д.Н. Шмелева, который говорит о том, что экспрессивность – это способность посредством семантики языковых единиц выражать весь спектр эмоциональных отношений субъекта речи к окружающей и внутренней действительности [1979: 285].

Однако не каждое слово или предложение имеет возможность передать эмоциональное отношение говорящего. Экспрессивность это, прежде всего, выражение эмоций посредством выбора не-нейтральных, эмоционально окрашенных единиц языка, т.е. противопоставление сухому повествованию. Например, в паре «выиграть – доминировать» первое слово является нейтральным, показывающее лишь объективное свершение некоторого действия (победы) с точки зрения информации, тогда как второе фактически выражает то же самое действие, но при этом содержит более высокий, неординарный уровень заложенной экспрессии – речь идет не просто о победе, а о полном разгроме противника.

Экспрессивность в первую очередь выполняет воздействующую функцию. Убеждающая характеристика экспрессивности обусловлена повышенной яркостью, изобразительностью передаваемого сообщения [Григорьева, 2000: 198].

Экспрессивность многокомпонентна и связана с другими явлениями, входящими в систему эмоциональной информации. Она является результатом взаимодействия оценки, эмоции и интенсивности.

Как уже было сказано выше, в основе экспрессивности лежит использование не-нейтральных единиц языка. Человек, выражая сильные эмоции, часто прибегает к преувеличению. В этом случае в речи он описывает чрезвычайные, выдающиеся, выходящие за грань обычности характеристики объекта или явления, обращаясь к понятиям количества, силы, величины. Данные понятия представляет собой категория интенсивности, являющаяся важным компонентом экспрессивности.

Согласно И. И. Туранскому, экспрессивность отражает факт наличия не-нейтральности, а интенсивность показывает количество, степень выраженности этой не-нейтральности [1990: 19].

Например, в произведении М.Е. Салтыкова – Щедрина «История одного города», такие слова, как «Неслыханная деятельность вдруг закипела во всех концах города...» являются экспрессивными, стилистически не-

нейтральными благодаря использованию гиперболы «неслыханная деятельность закипела». Гипербола – это художественно-стилистический прием, заключающийся в чрезмерном преувеличении каких-либо качеств или свойств изображаемого предмета или явления с целью усиления впечатления. Гипербола показывает особо высокую, намного большую по сравнению с нейтральностью степень процессуальности действия. Однако существует множество словосочетаний, передающих тот же смысл и заложенную в него экспрессию, но при этом количество этой экспрессии в них будет различаться. Именно это количество экспрессии и является интенсивностью.

Существует также обратный процесс, отражающий движение вниз по шкале интенсивности – это процесс деинтенсификации. Он используется с определенной прагматической целью, для снижения категоричности высказывания [Шмайлов, 1987: 87]; утверждение становится менее уверенным и, следовательно, более субъективным: *Доктор, по своей доброте, даже несколько смутился...* (Булгаков); ср.: *Доктор, по своей доброте, смутился*. При устранении деинтенсификатора *даже* несколько меняется не только степень интенсивности, сколько категоричность всего высказывания: автор судит о состоянии доктора более убежденно.

Данный пример можно изобразить на шкале: смутился – даже смутился.

Однако стоит заметить, что само понятие интенсивности не всегда связано с экспрессией. В основе данного утверждения лежит мнение о том, что интенсивность может пониматься как отражение любого показателя количества [Родионова, 2004: 308]. Например, словосочетание «В тот день на стадионе присутствовало тысяча сто два зрителя» считается интенсивным в связи с большим количеством зрителей, однако, оно отражает реальное количество человек, пришедших посмотреть матч, что является объективной и точной информацией, а не субъективным преувеличением. А именно преувеличение создает интересующую нас экспрессию. Поэтому в данном высказывании не содержится экспрессия, но наличествует интенсивность.

Для удобства следует обозначить эти термины как «объективная интенсивность» и «экспрессивная интенсивность». Объективная интенсивность указывает на большое количество признака, причем этот признак объективен и может быть верифицирован путем наблюдения, т.е., объективная интенсивность отражает реальную, хотя и большую, меру явления, в то время как экспрессивная интенсивность связана с намеренным психологическим преувеличением.

Таким образом, текстовый дискурс выступает как способ вербализации мышления, как результат всей когнитивной деятельности. Текстовый дискурс является пространством реализации индивидуальной картины мира языковой личности, его информационное поле выступает местом локализации ключевых концептов, обусловленных экстралингвистическими и личностными факторами. Текст представляет собой некоторое статичное единство, формальную конструкцию, оживающую в дискурсивном пространстве в режиме реального времени с учетом нелингвистических факторов. В основе экспрессивности лежат близкие, но разноплановые явления, такие как эмоция, оценка, интенсивность, которые на разных уровнях языка способствуют тому, что текст приобретает окрашенность и теряет нейтральность изложения. Это помогает передать субъективное отношение адресанта к предметам действительности и оказать прагматический эффект на получателя сообщения. Очень часто именно эмоциональная составляющая текста, а не смысловая, является центром и основой текста. Эмоциональность присуща человеку. В основе его эмоций лежит субъективная оценка того или иного явления. Экспрессивность является свойством языка, которое помогает передать в речи (устной или письменной) эмоции человека. Интенсивность в этом ряду явлений отражает меру, количество заложенной в тот или иной элемент предложения экспрессии, т.е. отражает количественную характеристику экспрессивности, обусловленную субъективным аспектом интерпретации. Интенсивность позволяет говорить о том, что в одном высказывании заложено больше

экспрессии, чем в другом. Однако следует различать объективную интенсивность, связанную с фактическими характеристиками события или объекта, и экспрессивную интенсивность, в основе которой лежит субъективное преувеличение.

Таким образом, рассмотрев сущность базовых понятий работы, необходимо более подробно проанализировать языковые и внеязыковые средства и способы, посредством которых достигается экспрессивизация речи.

1.2. Языковые и внеязыковые средства и способы экспрессивизации речи

Подход к тексту как к полифункциональному образованию предполагает внимательное изучение функций составляющих его элементов, специфику участия каждого из них в осуществлении коммуникативной задачи всего текста.

В исследованиях последних лет особое внимание уделяется изучению экспрессивно-оценочных элементов в структуре высказывания. Поэтому правомерным представляется анализ функционирования таких компонентов текста, которые благодаря своей языковой природе активно способствуют осуществлению того прагматического воздействия, которое отправитель сообщения желает достичь по отношению к получателю текста.

Экспрессивность свойственна единицам всех уровней языка.

Под экспрессивной функцией языка понимается способность языка выражать чувства или волю говорящего или пишущего и вызывать на них определенную реакцию, то есть когда происходит экспрессивное воздействие через языковые средства.

Было принято решение рассмотреть четыре группы средств экспрессивизации, выделенных в соответствии с языковыми уровнями: лексические, словообразовательные, морфологические и синтаксические.

К фонетическим экспрессивным средствам относятся фонологически нерелевантные для данного языка изменения звуков (например, в русском языке изменение длительности, аспирация и др.), акцентные и интонационные средства.

Морфологические (словообразовательные) средства включают словосложение и широкий диапазон ласкательных и уничижительных аффиксов.

Лексические экспрессивные средства охватывают пласт слов, имеющих помимо своего предметно-логического значения оценочный компонент, а также междометия и усилительные частицы.

Все экспрессивные средства этих уровней обладают относительно четко выраженной положительной или отрицательной коннотацией.

На синтаксическом уровне экспрессивность выражается изменением обычного порядка слов, использованием эллиптических конструкций, повторов и др.

Данные языковые средства будут подробно рассмотрены во II главе диссертационного исследования на примере цикла произведений Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Как считает В. Н. Телия, экспрессивно окрашенная лексика – результат вторичной номинации по преимуществу. Внутренняя форма является тем звеном, которое соединяет ценностную ориентацию говорящего субъекта с объективной действительностью.

Экспрессивно окрашенная лексика «экономична», т. е. в ее использовании отражается тенденция к экономии речевых средств. Причина - в таких словах совмещаются номинативная и прагматическая функции, а условием коммуникативно-прагматического успеха является апелляция к эмоциональному восприятию сообщения, что обычно достигается за счет его образности [Телия, 1986: 13–14].

Представления о границах и составе экспрессивной лексики обобщаются исследователями в различных классификациях экспрессивных лексических единиц.

Так, М. И. Черемисина отмечает, что выделить разные типы экспрессивных слов можно на основании как формальных, так и семантических критериев.

Классификация по формальному признаку может быть основана, например, на том, каким способом «доводится» до адресата речи факт экспрессивности словесного знака. С этой точки зрения можно выделить следующие типы: 1) словообразовательные производные от номинативных лексем, типа дом – домик – домишко – домище; 2) семантические производные номинативных лексем, т. е. метафорические ЛСВ; 3) лексем, не являющиеся ни словообразовательными, ни семантическими производными современных номинативных лексем (стяг, очи, пузо, рожа, тренькать, карга и т. д.) [Черемисина, 1979: 6–7].

Классификации по семантике ЭЛЕ, как правило, основаны на расщеплении экспрессивного значения на составляющие: интенсивность, эмоциональность, оценочность, образность.

Так, Е. Г. Ковалевская предлагает следующую классификацию: 1) слова с эмоционально-понятийным содержанием (любовь, печаль, весело, радоваться, огорчаться); 2) эмоционально-оценочная лексика – положительная или отрицательная (плохой, хороший, добрый, злой, эгоист, альтруист); 14 3) эмоционально-экспрессивные слова с компонентом «интенсивность» (бахнуть, грохнуть, нищета, козлик, ручища); 4) слова с экспрессивно-стилистическим значением (очи, буркалы) [Ковалевская, 1976: 63–72]. Здесь группы выделяются в соответствии с преобладанием одного из компонентов оценочного значения.

Безусловно, не всегда можно точно определить, к какой группе отнести ту или иную единицу, поскольку значение экспрессивных слов, несмотря на наличие в его составе различных компонентов, остается цельным.

Н. А. Лукьянова в монографии «Экспрессивная лексика разговорного употребления» отмечает, что слова, называющие чувства, слова, выражающие интеллектуальные оценки, и экспрессивно нейтральные интенсивы следует вывести за границы экспрессивной лексики, относя их к фонду собственно номинативных лексических единиц [Лукьянова, 1986: 30].

В данной работе также не относятся слова из перечисленных групп к экспрессивным, если рассматривать их только по отношению к ЯК оценки (например: легкость, радость бытия; прельститься глупою соседкой; Не лучшие, о нет! Прочнейшие, точнее).

О. В. Загоровская выделяет четыре разряда слов, «в семантике которых эмоциональные и оценочные компоненты играют ведущую роль» [Загоровская, 1984: 77–79]: 1) собственно экспрессивные слова, в которых ведущая роль принадлежит коннотативному компоненту значения, т. е.: а) интенсивности (мямлить, тощий); б) эмоциональной оценке (тудяга, тупица); 2) эмоционально-экспрессивные слова (плут, старикашка, голубушка); 3) образно-экспрессивные слова: а) слова с яркой внутренней формой (крохобор, лизоблюд); б) семантические производные номинативных лексем (орел, змея – о человеке); в) изобразительные слова (фифа, охламон) и т. п.; 4) экспрессивно-стилевые слова, в семантической структуре которых наиболее значим компонент стилевой отнесенности (лик, дерзание, уста).

В данной классификации также возможны пересечения между разными группами; кроме того, исследователь, к сожалению, не поясняет, по какому принципу выделяются т. н. изобразительные слова и каким образом в структуре значения слова проявляется стилевая отнесенность.

Рассмотрев вышеприведенные классификации, можно сделать вывод о том, что в данной работе целесообразно будет выделить следующие группы ЭЛЕ: 15 1) ЭЛЕ с преобладанием эмоционально-оценочного компонента значения, где экспрессивность связана главным образом с проявлением субъектом речи определенной эмоции по поводу предмета речи (волна пленительного дыма); 2) ЭЛЕ с преобладанием компонента интенсивности, в

которых подчеркивается значительная степень проявления признака (любимейшие девушки мои); 3) ЭЛЕ с преобладанием компонента образности – слова с яркой внутренней формой или со звуковым обликом, вызывающим устойчивые ассоциации, а также семантические производные номинативных лексем (Улисс был большая лиса).

По мнению К. А. Тимофеева, экспрессивные средства языка всех уровней синтаксичны, поскольку реализуются в предложении, где экспрессивность может выражаться как при помощи средств языка, не связанных с определенными конструкциями (интонация, порядок слов), так и при помощи специальных синтаксических конструкций.

Например, в произведении «Сорочинская ярмарка» цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголь выражает экспрессию своего произведения при помощи восклицания:

- Как не рассеяться! в первый раз на ярмарке! [Гоголь, 1994: 6].

Здесь автор призывает читателя к сочувствию и пониманию реакции персонажа.

Существуют и другие экспрессивные конструкции. Так, А. Ф. Прияткина относит к их числу конструкции с союзами а (Умная женщина, а бредишь), да (Купи да купи), как (На войне как на войне) и др., где эти союзы функционально близки частицам, союзные конструкции с уточнителями (да к тому же еще, и уже тем более, но все же, и уж во всяком случае и т. п.) и с местоименными интенсификаторами типа так, такой (Лиза очутилась на улице и в таком положении, какого никакое перо описать не может). А. Ф. Прияткина отмечает также, что среди примеров подобных конструкций не так много действительно специфических типов синтаксического построения, в которых экспрессивность задается самой фразой, а не лексическим наполнением и/или интонацией [Прияткина, 1984: 7–11]. Перечисленные А. Ф. Прияткиной союзы, или скрепы, как мы их называем вслед за Т. А. Колосовой и М. И. Черемисиной (скрепы - « средства связи предикативных единиц в сложном предложении, ...членов простого

предложения, ... фрагментов текста: предложений, разделенных точками, групп предложений, абзацев» [Колосова, Черемисина, 1987: 12]), а также союзные конструкции служат для присоединения частей, содержащих дополнительную информацию и имеющих оттенок интенсивности. Само по себе это не является достаточным основанием для отнесения всех конструкций подобного рода к экспрессивным, однако позволяет характеризовать их как экспрессивные при соответствующем лексическом наполнении (Мне это так мучительно знакомо, что говорить не стану: тяжело).

Итак, в лингвистической литературе наиболее распространена классификация экспрессивности по способу ее языкового выражения. Эта так называемая уровневая экспрессивность, которая представляет собой форму субъективного отношения, реализуемого средствами отдельных языковых уровней: а) графического; б) фонетико-фонологического; в) словообразовательного; г) лексического; д) фразеологического; е) грамматического (морфологического и синтаксического); ж) текстового.

Для того, чтобы понимать сущность каждого языкового уровня, необходимо знать его специфику функционирования в тексте.

1.3. Специфика функционирования экспрессивизаторов в тексте

Комплексность категории экспрессивности обуславливает применение учеными разных подходов и методов при анализе ее формальных, структурных, семантических и функциональных аспектов, что создает наиболее полное представление о данном феномене и делает научное исследование экспрессивности более доказательным. Обращение к индивидуальному человеку со всей сложностью организации его внутреннего мира происходит в конце XIX в. - начале XX в. В этот период в гуманитарной науке возникает необходимость осмыслить и объяснить

феномен человеческой психики, смоделировать ее структурный и функциональный аспекты, выявить определяющие факторы ее формирования и развития, а также связать индивидуальную психику с коллективным и культурным аспектами жизни человека. Эти веяния в гуманитарном знании в целом существенно повлияли на развитие лингвистических учений. Как отмечают Т. А. Амирова, Б. А. Ольховиков, личностные элементы, роль личностных процессов в сознании индивида, связь явлений психики индивида с процессом речи — слушания, процесс объективирования субъективно-идеального через язык и объективизация субъективного в языке занимают с середины XIX в. значительное место в теоретических построениях языковедов и психологов [Амирова, 2006: 333].

Анализ научной литературы показал, что интерес исследователей второй половины XIX в. к народной и индивидуальной психологии в языке переняли лингвисты-философы и лингвисты-психологи начала XX в. В этот период развития языкознания глубокую разработку получают также общетеоретические вопросы связи языка и мышления, вопрос о роли языка в процессе познания, в индивидуальном и коллективном бытии, в культурной и этнической самоидентификации человека. Помимо этого затрагиваются проблемы освоения языка человеком и языкового развития в онтогенезе, психофизиологической реальности языка, проблемы речевой деятельности. В связи с разработкой такого объемного комплекса проблем особую значимость приобретает анализ экспрессивной функции языка и экспрессивного значения. Здесь необходимо выделить, по крайней мере, два вектора развития данной проблематики в методологических работах по лингвистике того времени: 1) изучение связи экспрессивной функции языка и экспрессивного языкового значения с мышлением и мыслительным, когнитивным компонентом языковой семантики; 2) исследование взаимосвязи языковой экспрессии и общей эстетики.

По наблюдениям Б. Тошовича: «Если ее [функции] сложную природу упростим и скажем, что при помощи языка мы (1) что-нибудь сообщаем, (2)

общаемся и (3) воздействуем, тогда экспрессивность будет связана, в первую очередь, с третьим» [Тошович, 2006: 37-38]. Важно подчеркнуть то, что характер воздействия в данном случае не рациональный, не утилитарный, а эмоционально-чувственный [Вольф, 2002; Тошович, 2006].

Опираясь на исследования Санкт-Петербургской школы функционализма, необходимо разделять потенциальные функции языковых единиц и функции-реализации.

Таким образом, эмоциональное воздействие можно трактовать как функцию, потенциально присущую языковым единицам и языку (она же экспрессивная функция), и как непосредственную реализацию данной функции в речевом акте – экспрессию.

Для того, чтобы анализировать специфику функционирования экспрессивизаторов в тексте, необходимо сказать об идиостиле Н.В. Гоголя, рассматриваемого автора цикла произведений «Вечера на хуторе близ Диканьки» в нашем диссертационном исследовании.

Под идиостилем в работе будет пониматься индивидуальный авторский стиль писателя.

Изучение индивидуального авторского стиля Н.В. Гоголя связано с именами В.В.Виноградова, О.Э.Мандельштама, А.Белого, В.Я.Брюсова, И.Ф.Анненского, Б.М.Эйхенбаума, В.В. Гиппиуса и других. Однако в основном это работы литературоведческого направления. Исключение составляет исследование В.В. Виноградова «Этюды о стиле Гоголя», где говорится о том, что в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» существует два основных типа речи: романтически-сентиментальный и разговорно-провинциальный, но в рассказе «Страшная месть» мы также можем наблюдать мотивы древнего песенного фольклора.

Важной характерологической чертой идиостиля Гоголя являются гиперболизированные сравнения, писатель часто пользуется стилистическим приемом повторов. По В.В.Виноградову, идиостиль Гоголя отличают

внутренние реплики героев, которые способствуют колоризации образов [Виноградов, 1976: 228-366].

Формы словесных сплетений, выполняющие у Гоголя символизирующие функции, насыщают стиль писателя гротескными свойствами.

Важной составляющей идиостиля Гоголя является смеховое начало. Ирония пронизывает почти все рассказы «Вечеров...», кроме «Страшной мести». Но даже в таких «страшных рассказах», как «Майская ночь или утопленница» и «Ночь накануне Ивана Купалы», автор заставляет читателей смеяться.

Языковое мастерство Гоголя-сатирика или Гоголя-лирика непременно связано с коннотацией, которая распространяется на все уровни текста. И в этом случае, как нам представляется, возможно говорить о коннотации как о текстоцементирующем свойстве почти всех произведений писателя, тем более о «Вечерах на хуторе близ Диканьки».

Функция эмоционального воздействия обнаруживает определенную гетерогенность: целенаправленное языковое выражение говорящим эмоций, чувств, отношения, эмоциональной оценки, усиление последних в целях воздействия на партнера по коммуникации. Как было установлено выше, похожую функционально-прагматическую направленность имеют категории, выражающие семантику субъективного отношения, – эмотивность, интенсивность, модальность, эмоциональная оценка, а также отчасти образность. Кроме этого, формальные средства, реализующие в речи / тексте функцию эмоционального воздействия, также демонстрируют известную разнородность: это разноуровневые языковые единицы и речевые средства с разными механизмами реализации экспрессивности (последняя может быть системно-языковой функцией единицы, речевой (реализующейся в речи с той или иной частотностью), окказиональной, т.е. приобретенной случайно), с возможностью одновременной реализации нескольких экспрессивных созначений. В виду вариативности своей функциональной семантики и

многообразия формальных средств выражения экспрессивность выходит за рамки понятия «категория» в ее классическом (традиционном) понимании.

Как отмечает Н. Н. Болдырев, классический подход к вопросу о том, как формируются категории и как они представлены в сознании человека, базируется на следующих принципах:

1) содержание той или иной категории исчерпывается набором обязательных и наиболее существенных признаков, которыми должны обладать все члены данной категории;

2) все элементы категории равноправны по своей значимости, их принадлежность к этой категории определяется обязательным наличием существенных для данной категории признаков;

3) границы категории строго определены;

4) все признаки категории бинарно противопоставлены [Болдырев, 2001: 68].

По своей природе и формально-содержательной структуре экспрессивность более соответствует категориям функционально-семантическим. Последние отличаются «нестрогим», полевым характером своей организации – максимальной концентрацией категориального признака в ядре и семантически ослабленной периферией.

Экспрессивность представляет собой категорию функционально-семантическую, основным функциональным признаком которой является «эмоциональное воздействие», и вместе с тем поле – формально-содержательное единство, систему разноуровневых языковых единиц и речевых средств, объединенных данным признаком.

Далее в настоящем исследовании применительно к экспрессивности будут употребляться понятия «функционально-семантическая категория» и «функционально-семантическое поле», разработанные в трудах представителей петербургской школы функциональной грамматики.

Язык в рамках данного направления моделируется в виде совокупности формально-содержательных полей, а не в виде уровней (как в традиционной

описательной грамматике). В качестве отправных пунктов для полевого структурирования выступают те или иные семантические категории, или функционально-семантические категории. В современных функциональных исследованиях («от значения / функции к форме») тщательно разработан комплекс понятийных категорий и систем средств их репрезентации в языке / речи: аспектуальность, темпоральность, таксис, субъектность, объектность, качественность, количественность и др. [Бондарко, 1978–2005; Матханова, 2013].

А. В. Бондарко размышляет о возможностях вычленения тех или иных категорий в результате лингвистического анализа текста и указывает на творческий, поисковой характер данной процедуры, отсутствие раз и навсегда заданного перечня ФСК в конкретном языке [Бондарко, 2003: 30]. Вместе с тем существует ряд критериев, которые должны быть учтены при обосновании ФСК.

Так, семантические категории выделяются на основе их регулярной представленности (в том или ином варианте) в содержании высказываний, в значениях языковых единиц и их разнообразных сочетаний. Очевидно, что экспрессивность удовлетворяет данному критерию, поскольку наличие экспрессивного компонента значения фиксируется исследователями на разных уровнях языковой структуры: фонетико-интонационном, морфемном, лексическом, уровне словосочетания, уровне предложения, уровне текста. Таким образом, можно говорить о парадигме экспрессивных языковых и речевых форм, в рамках которой наблюдаются отношения неопозитивного типа (формы коррелируют друг с другом не по принципу бинарных оппозиций, а по принципу большей/меньшей выраженности данного семантического признака).

А. В. Бондарко отмечает также, что семантические категории отображают реальные процессы мыслительной деятельности. Стратификация языковой семантики с позиций функционально-семантического подхода связана с разграничением и соотносением различных уровней и аспектов

содержания, выражаемого языковыми средствами, в его отношении к содержанию мыслительному (смысловому) [Бондарко, 2002: 99]. Функционально-семантические категории, с одной стороны, отражают некий смысловой компонент речемыслительной деятельности человека, с другой стороны – вариативность репрезентации этого смыслового компонента в системе языковых форм. Представляется, что данное суждение справедливо в отношении экспрессивности. Несмотря на то, что в теории и практических исследованиях систем ФСП почти не затрагиваются категории семантики субъективности (в силу «неграмматичности» их значения), связь аффективной, эмоционально-чувственной стороны речевого общения с мыслительным содержанием все же признается учеными петербургской школы функционализма: «Говоря о мыслительном (понятийном, смысловом, логическом) содержании, мы включаем в это понятие и аффективный (эмоционально-экспрессивный) компонент содержания» [Бондарко, 1978: 4-5]. Данные о единстве мыслительного и эмоционального компонентов человеческого сознания и о совместной представленности этих компонентов в языковой семантике также приводятся в ряде работ по философии, психологии, теории и методологии языкознания, общей семантике, когнитивной семантике.

Еще одним значимым критерием выделения ФСК является ее универсальность (существование в разных языках и в сознании носителей языка), объясняемая единством восприятия мира людьми в процессе их деятельности. Если исходить из представления о том, что эмоции и чувства – это психологическая реальность человека, а экспрессивность связывается с отображением и выражением данной реальности средствами языка, то допущение об универсальности лингвистической экспрессивности является верным, потому как независимо от культуры и языка эмоциональность является неотъемлемым компонентом психофизиологической деятельности любого человека.

Несмотря на универсальную представленность экспрессивности в разных языках, наблюдается культурная обусловленность данной категории.

Изложенный материал позволяет заключить, что категория экспрессивности присутствует во всех языках, но ее структура и особенности актуализации в речи (например, «эмоциональный этикет мужчины и женщины», типичные ситуации, в которых принято выражать в речи эмоции чувства, и частотность тех или иных экспрессивных единиц в данных ситуациях) определяются национальной культурой носителей языка.

Итак, специфика функционирования экспрессивизаторов в тексте заключается в том, что они имеют:

- 1) представленность категории в языке и средствами языка, которые образуют ряд подсистем;
- 2) связь категории с реальными процессами мыслительно-речевой деятельности;
- 3) существование в разных языках и в сознании носителей языка.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

Теоретический анализ научной литературы по изучаемой проблеме показывает, что категория экспрессивности имеет в языке длительную традицию. В теоретических исследованиях со времен античности фигурирует понятие «экспрессия», которое обозначает в переводе с латинского (*expressio*) «выражение».

Экспрессивность является характеристикой языка и его элементов.

Д.С. Писарев в работе «Прагматические аспекты функционирования языка» относит экспрессивность к прагматическим категориям и также отмечает, что во многих исследованиях не всегда четко проводится разграничение понятий «эмоциональность» и «экспрессивность».

Экспрессивность в первую очередь выполняет воздействующую функцию. Убеждающая характеристика экспрессивности обусловлена

повышенной яркостью, изобразительностью передаваемого сообщения [Григорьева, 2000: 198].

Адекватным термином для комплексного многоаспектного описания результатов текстовой деятельности человека является понятие «дискурс» и «дискурсивное пространство»

В современных гуманитарных науках «пространство» используется в составе различных терминологических и понятийных словосочетаний: образовательное, культурное, межличностное, информационное, когнитивное, мифологическое, языковое и т. д. основополагающими для всех направлений являются философские представления о пространстве, которое оценивается на основе понимания видов деятельности: разные виды деятельности человека формируют свои пространства.

Дискурс определяется как экстравертивная фигура коммуникации: «совокупность вербальных форм практики организации и оформления содержания коммуникации представителей определенной лингвокультурной общности», а текст как интровертивная фигура коммуникации: «совокупность правил лингвистической и экстралингвистической организации содержания коммуникации представителей определенной лингвокультурной общности» [Прохоров, 2004: 34].

Экспрессивность свойственна единицам всех уровней языка.

В лингвистической литературе наиболее распространена классификация экспрессивности по способу ее языкового выражения. Эта так называемая уровневая экспрессивность, которая представляет собой форму субъективного отношения, реализуемого средствами отдельных языковых уровней: а) графического; б) фонетико-фонологического; в) словообразовательного; г) лексического; д) фразеологического; е) грамматического (морфологического и синтаксического); ж) текстового. Для того, чтобы понимать сущность каждого языкового уровня, необходимо знать его специфику функционирования в тексте.

Специфика функционирования экспрессивизаторов в тексте заключается в том, что они имеют:

1) представленность категории в языке и средствами языка, которые образуют ряд подсистем;

2) связь категории с реальными процессами мыслительно-речевой деятельности;

3) существование в разных языках и в сознании носителей языка.

Глава II. СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ И СПОСОБОВ ЭКСПРЕССИВИЗАЦИИ ДИСКУРСИВНО-ТЕКСТОВОГО ПРОСТРАНСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н.В. ГОГОЛЯ

В рамках данного исследования было решено рассмотреть специфику функционирования языковых средств и способов экспрессивизации на примере произведений русского классика Николая Васильевича Гоголя (1809-1821). Материалом послужили рассказы из сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки». Выбор произведений был обусловлен широким разнообразием экспрессивизаторов всех языковых уровней.

Было принято решение рассмотреть четыре группы средств экспрессивизации, выделенных в соответствии с языковыми уровнями: лексические, словообразовательные, морфологические и синтаксические.

2.1 Лексические средства экспрессивизации дискурсивно-текстового пространства

Лексика является основным языковым средством экспрессивизации любого вида текста, в том числе художественного. Присутствующие в рассматриваемых произведениях лексические экспрессивизаторы можно условно разделить на три группы:

- лексические стилистические приемы;
- оценочная лексика;
- лексика с экспрессивным значением.

В произведениях Н.В. Гоголя экспрессия выражена, в первую очередь, посредством использования лексических стилистических приемов.

Высокой частотой использования отличаются эпитеты (в том числе метафорические). Они употребляются для характеристики того или иного предмета или явления и способны выражать различные чувства, эмоции и оценки.

Рассмотрим следующие примеры:

- *Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии!*
(Сорочинская ярмарка) [Гоголь, 1994: 5]

Выраженные краткими прилагательными эпитеты «упоителен» и «роскошен» выполняют дескриптивную, эстетическую и эмоционально-оценочную функции: они дают яркое, выразительное описание летнего дня, выражая при этом восхищение повествователя.

- *Чудная, ненаглядная Оксана (Ночь перед Рождеством)* [Там же, 1994: 56].

Эпитеты «чудная» и «ненаглядная» выражают восхищение и любовь говорящего к девушке. Здесь на первый план выходят две функции:

- эмоционально-оценочная функция заключается в выражении эмоций говорящего и положительной оценке девушки;
- прагматическая функция состоит в попытке вызвать ответную эмоциональную реакцию у реципиента речи.

Эмоционально-оценочная и прагматическая функции тесно связаны между собой и в других экспрессивизаторах, которые одновременно репрезентуют эмоцию и оценку говорящего (автора, повествователя или персонажа) и вызывают соответствующий эмоциональный отклик у реципиента (другого персонажа или читателя). Это может подтверждено следующим примером:

- *Государыня, которая точно имела самые стройные и прелестные ножки* (Ночь перед Рождеством) [Там же, 1994: 73].

Эпитет «прелестные» передает положительную оценку и восхищение говорящего. При этом провоцируется соответствующий отклик у читателя, которой также должен по достоинству оценить ноги царицы.

- *может, в самом деле перешли они через нечистые руки* (Вечер накануне Ивана Купала) [Там же, 1994: 22].

Метафорический эпитет «нечистые» кратко и емко характеризует руки нечестных людей, преступников. Основной функцией данного

экспрессивизатора является эмоционально-оценочная, заключающаяся в выражении сомнения, подозрения и осуждения.

- так называли этого **бесовского** человека (*Вечер накануне Ивана Купала*) [Там же, 1994: 22].

Метафорический эпитет «бесовской» также выражает подозрение и осуждение и выполняет эмоционально-оценочную и прагматическую функции.

Наибольшим потенциалом для экспрессивизации текста обладают метафоры. Данные стилистические приемы обладают высоким уровнем образности и способностью давать емкие характеристики, ярко выражать чувства, эмоции и оценки.

Можно привести следующие примеры.

- *Такою **роскошью блистал** один из дней жаркого августа* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 5].

Метафора заключается в описании дня, как блистающего роскошью, и выражает восхищение писателя красотой природы.

- *Тут у нашего внимательного слушателя **волосы поднялись дыбом*** (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 9].

Метафора «волосы поднялись дыбом» обозначает страх по аналогии с ситуацией, когда у животного приподнимается шерсть за счет сокращения подкожных мышц в случае опасности.

- *Ну, его и винить нечего, он **пень**, да и полно* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 11].

Метафора «пень» дает негативную характеристику человеку, отмечая его глупость и безынициативность. Также данное лексическое средство выражает осуждение.

- *В этом-то хуторе показывался часто человек, или, лучше, **дьявол в человеческом образе*** (*Вечер накануне Ивана Купала*) [Там же, 1994: 22].

Метафора характеризует человека, как опасного и способного на любое зло. Также она выражает осуждение говорящего и провоцирует негативную оценку со стороны читателя.

Часто Н.В. Гоголь использует сразу несколько метафор в одном контексте для выразительной передачи образа. Это можно увидеть в следующем примере:

- небо, его чистое зеркало – река в зеленых, гордо поднятых рамах... как полно сладострастия и неги малороссийское лето! (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 5].

В данном случае используется целый ряд метафор:

- метафора «чистое зеркало» характеризует гладкость и прозрачность поверхности реки, отражающей небо;

- метафора «рамы» используется для описания берегов;

- метафорическое характеризующее словосочетание «гордо поднятых» указывает на возможность того, что река и ее берега являются рукотворными, что сопоставляет их с произведениями искусства. Лексическая единица «гордо» может также рассматриваться, как случай персонификации: река рассматривается как нечто, способное иметь гордость.

Все приведенные метафоры составляют единый образ и могут рассматриваться в качестве единой комплексной метафоры, выражающей восхищение автора красотой природы.

Комплексный образ реки создается и в следующей развернутой метафоре:

- река-красавица блистательно обнажила серебряную грудь свою, на которую роскошно падали зеленые кудри дерев. Своенравная, как она в те упоительные часы, когда верное зеркало так завидно заключает в себе ее полное гордости и ослепительного блеска чело, лилейные плечи и мраморную шею, осененную темною, упавшею с русой головы волною, когда с презрением кидает одни украшения, чтобы заменить их другими, и капризам ее конца нет, – она почти каждый год переменяла свои

окрестности, выбирая себе новый путь и окружая себя новыми, разнообразными ландшафтами (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 6].

В данном случае имеет место ряд персонификаций, заключающихся в предположении, что река может иметь грудь, кудри, чело, плечи и шею. Также у реки появляется характер: она становится капризной, выбирая для себя новые и новые украшения. Целостный метафорический образ заключается в сопоставлении реки с красивой женщиной, любующейся собой. Составляющий образ экспрессивизаторы становятся более яркими и выразительными, взаимодействуя друг с другом. Как и в предыдущем случае, они выполняют эстетическую, изобразительную и эмоционально-оценочную функцию, выражая восхищение природой.

- Как томительно жарки те часы, когда полдень блещет в тишине и зное и голубой неизмеримый океан, сладострастным куполом нагнувшийся над землю, кажется, заснул, весь потонувши в неге, обнимая и сжимая прекрасную в воздушных объятиях своих!
(Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 5].

В данном отрывке также присутствует комплекс приемов, включающих метафоры и эпитеты:

- метафорический эпитет, выраженный кратким прилагательным «томительно» характеризует влияние дневной жары на человека и проводит параллель с образом томительного ожидания;

- метафора «блещет» в отношении полудня описывает великолепие этого времени суток и показывает восхищение автора;

- метафора неба «голубой неизмеримый океан» подчеркивает масштаб и чистоту неба и также выражает восхищение писателя;

- метафора неба «купол» используется для создания яркого художественного образа;

- метафорический эпитет «сладострастный», который также можно рассматривать в качестве персонификации, вносит предположение, что небо способно испытывать страсть и любовь по отношению к земле;

- персонификации «нагнувшийся», «обнимающая», «сжимающая», «в объятиях» также создают яркий образ неба, как живого существа;

- метафора «потонувши в неге» одновременно является персонификацией и описывает ощущение расслабления, которое вызывает у людей жаркий полдень;

- эпитет «прекрасную» дает положительную оценочную характеристику земле и проводит параллель между ней и красивой женщиной.

Данные приемы также образуют комплексный образ. Небо и земля предстают одушевленными существами, влюбленными друг в друга и обнимающимися во время полуденного отдыха. Такая метафора обладает высокой экспрессивностью. Она не только обогащает художественный текст эстетичным и ярким образом, но и передает ощущения, испытываемые людьми под влиянием сил природы: расслабление, умиротворение, восхищение красотой.

Н.В. Гоголь продолжает развивать данный метафорический образ следующим образом:

- Все как будто умерло; вверху только, в небесной глубине, дрожит жаворонок, и серебряные песни летят по воздушным ступеням на влюбленную землю, да изредка крик чайки или звонкий голос перепела отдается в степи (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 5].

Здесь комплексный образ формируют метафоры, метафорический эпитет и метафорическое сравнение. Продолжается тема любовных отношений между землей и небом, поражающим человека своим масштабом (метафора «небесная глубина»). В качестве посредников в отношениях неба и земли выступают птицы. Особенно красочно описывается голос жаворонка посредством метафоры «серебряные песни». «Воздушные ступени» обозначают одновременно переливы голоса птицы и связь, присутствующую между небом и землей. Данная комплексная метафора выполняет эстетическую и изобразительную функции: она украшает художественный

текст и рисует подробную, яркую картину жаркого летнего дня в воображении читателя.

- ослепительные удары солнечных лучей зажигают целые живописные массы листьев, накидывая на другие темную, как ночь, тень, по которой только при сильном ветре прыщет золото (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 5].

В этом отрывке метафоры (включая персонификации «зажигают» и «накидывая») и сравнение с ночью, подчеркивающее степень темноты, описывают визуальный контраст между светом и тенью, который наблюдают в природе персонажи рассказа в описываемый день. Здесь также реализуются эстетическая и изобразительная функции экспрессивизаторов и выражается восхищение красотой природы.

- Изумруды, топазы, яхонты эфирных насекомых сыплются над пестрыми огородами, осеняемыми статными подсолнечниками (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 5].

Метафоры драгоценных камней описывают красоту насекомых. Метафорический эпитет «эфирных» подчеркивает их эстетику, давая намек на божественное происхождение (в древнегреческой мифологии эфиром называли верхний слой неба, в котором обитали боги) [Горелик, 2017: 23].

Выраженные стилистическими приемами экспрессивизаторы используются Н.В. Гоголем не только для описания природы, но и для описания человека. В частности, комплексная метафора присутствует в описании мужчины в следующем примере:

- Ленивою рукой обтирал он катившийся градом пот со смуглого лица и даже капавший с длинных усов, напудренных тем неумолимым парикмахером, который без зову является и к красавице и к уроду и насильно пудрит несколько тысяч уже лет весь род человеческий (Сорочинская ярмарка) [Гоголь, 1994: 6].

Словосочетание «неумолимый парикмахер» выступает персонифицированной метафорой времени, а пудра является метафорой

седины. В целом метафора выражает грусть и чувство обреченности, а также передает философскую мысль автора и создает яркий художественный образ. Данный пример также иллюстрирует тот факт, что лексические экспрессивизаторы усиливают свою выразительность, действуя в комплексе. Также стоит отметить, что сами по себе использованные лексические единицы (такие как «парикмахер» и «пудрит») не обладают экспрессивностью и приобретают ее в контексте.

- *с повязанными на голове красными и синими лентами, которые, вместе с длинными косами и пучком полевых цветов, **богатою короною покоились** на ее **очаровательной** головке* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 6].

Метафора «богатая корона» описывает волосы девушки. Она создает яркий образ и выражает восхищение красотой. Это же восхищение и положительная оценка присутствуют в эпитете «очаровательной».

Экспрессивизаторы-метафоры могут использоваться для выражения различных чувств и эмоций. Например:

- *Кум с разинутым ртом **превратился в камень*** (Сорочинская ярмарка)[Там же, 1994: 15].

Метафора «превратился в камень» одновременно описывает состояние неподвижности и испытываемый человеком ужас. Для читателя создается лаконичный и яркий образ.

- *Звонкая песня **лилась рекою** по улицам села* (Майская ночь или утопленница) [Там же, 1994: 29].

Метафора «лилась рекою» описывает плавность песни, а также легкость, с которой она пелась. При этом данный экспрессивизатор выражает в данном контексте веселье.

- ***Сердце мое, рыбка моя, ожерелье!*** (Майская ночь или утопленница) [Там же, 1994: 29].

Метафоры «сердце» и «рыбка» используются в качестве ласковых обращений к девушке и выражают любовь говорящего.

- *соколиный взгляд исподлобья* (Майская ночь или утопленница) [Там же, 1994: 33].

Метафора «соколиный взгляд» ярко описывает гордость, смелость и зоркость человека. В данном случае на первый план выходит характеризующая и оценочная функции: экспрессивизатор дает характеристику обладателю взгляда, как человеку, обладающему гордостью и отвагой, а также выражает положительную оценку этих качеств.

- *Попробует он, собачий сын, каковы у меня кулаки* (Майская ночь или утопленница) [Там же, 1994: 34].

Метафора «собачий сын», употребленная в адрес другого человека одним из персонажей, выражает негативную оценку со стороны говорящего и его гнев. Также данный экспрессивизатор косвенно характеризует самого говорящего, как человека вспыльчивого и грубого.

Помимо метафор и эпитетов достаточно высокой экспрессивностью в произведениях Н.В. Гоголя обладают сравнения. Рассмотрим следующие примеры:

- *глаза его выпучились, как будто хотели выстрелить* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 15].

Сравнение с желанием выстрелить передает крайнюю степень ужаса, испытанную персонажем при встрече с нечистой силой. Данный экспрессивизатор, состоящий из ряда лексических единиц, выполняет, в первую очередь, изобразительную функцию, формируя выразительный образ.

- *Там, глядь – снова будто с неба упал, рыскает по улицам села* (Вечер накануне Ивана Купала) [Там же, 1994: 22].

Сравнение «будто с неба упал» ярко описывает неожиданность появления человека и выражает недовольство и подозрение окружающих. Данный экспрессивизатор выполняет эмоционально-оценочную и характеризующую функции.

- *Петру было в ней столько нужды, сколько нам в прошлогоднем снеге* (Вечер накануне Ивана Купала) [Там же, 1994: 23].

Сравнение описывает отношение персонажа к своим родственникам, с которыми он не имел какого-либо контакта. Данный экспрессивизатор выполняет эмоционально-оценочную функцию и выражает иронию.

- *Водка щипала его за язык, словно крапива, и казалась ему горше полыни* (Вечер накануне Ивана Купала) [Там же, 1994: 24].

Сравнения не только ярко описывают ощущения персонажа от распития водки, но и выражают его горечь и отчаяние. Также здесь присутствует метафор-персонификация «щипала», которая помогает подробно описать чувства человека.

В следующем примере сравнение сопровождается игрой слов и создает юмористический эффект:

- *щеки у него расцвели, как мак; теперь он не Цыбуля, а буряк* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 13].

Прозвище персонажа «Цыбуля» означает лук. В связи с тем, что он покраснел, говорящий сравнивает его с другим овощем – бураком. Эффект этой игры слов усиливается метафорой «расцвели» и сравнением щек с маком. Данные экспрессивизаторы формируют яркий образ в воображении читателя, выражают иронию говорящего и его стремление вызвать смех у собеседников. То есть, здесь выполняются изобразительная, эмоционально-оценочная и прагматическая функции.

Еще одним видом экспрессивизатора, используемым Н.В. Гоголем, является гипербола, заключающаяся в преднамеренном преувеличении.

Можно привести следующие примеры:

- *он до смерти не любил пересказывать одно и то же* (Вечер накануне Ивана Купала) [Там же, 1994: 21].

Гипербола «до смерти» основывается на преувеличении неприязни персонажа к необходимости повторять одну и ту же историю несколько раз.

Данный экспрессивизатор выражает эмоции героя, негативную оценку с его стороны, а также дает ему характеристику.

- я готов вскинуть на себя петлю и болтаться на этом дереве, как колбаса перед рождеством на хате, если мы продадим хоть одну мерку (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 8].

Гипербола и сравнение ярко описывают степень уверенности говорящего в том, что зерно продать не получится. Также они создают юмористический эффект.

Как видно из рассмотренных примеров, лексические стилистические приемы обладают высоким уровнем экспрессивности. При этом можно выделить ряд особенностей таких средств:

- используемые лексические единицы становятся экспрессивизаторами только в контексте, сами же по себе они не несут выразительности;

- одно экспрессивное значение может формироваться не одной, а несколькими лексическими единицами (как, например, это происходит в сравнениях, где стилистическим приемом выступает не одно слово, а определенная словесная конструкция, или же в состоящих из нескольких слов метафорах);

- лексические стилистические приемы могут взаимодействовать между собой, формируя единый образ. При этом экспрессивный эффект увеличивается.

Данный вид лексических экспрессивизаторов выполняет в художественном тексте ряд функций:

- эмоционально-оценочную (экспрессивизаторы выражают эмоции и оценки говорящих);

- прагматическую (вызывают определенные эмоции и оценки о читателя или других персонажей);

- эстетическую (служат украшением текста);

- изобразительную (помогают создать яркий, живой образ в воображении читателя и подробно описать предмет, явление или ситуацию);

- характеризующую (дают прямую или косвенную характеристику персонажам).

Также можно сказать, что экспрессивизаторы этого ряда выполняют жанрообразующую функцию, так как их использование характерно, в первую очередь, для художественного текста и является одним из основных признаков художественного стиля.

Несколько меньшей выразительностью отличается оценочная лексика, которая, однако, обладает достаточной экспрессивностью. К такой лексике относятся единицы, сами по себе содержащие некую оценку (положительную либо отрицательную) независимо от контекста.

Проанализируем несколько примеров:

- *Бог с ним, моя **красавица!*** (Майская ночь или утопленница) [Там же, 1994: 30].

Слово «красавица» выражает положительную оценку внешности девушки со стороны говорящего и выполняет эмоционально-оценочную и характеризующую функции.

- *отец мой есть тот самый **урод*** (Страшная месь) [Там же, 1994: 80].

Оценочная лексическая единица «урод» несет в себе негативную характеристику и выражает отрицательное отношение героини к своему отцу.

- *дьявольская **сволочь** не держит постов* (Пропавшая грамота) [Там же, 1994: 48].

Лексическая единица «сволочь» также несет в себе негативную оценку, служит характеристикой и средством выражения отношения говорящего.

- *захрюкали морды: «**Дурень! Дурень! Дурень!**»* (Пропавшая грамота) [Там же, 1994: 48].

Повторяющаяся лексическая единица «дурень» содержит в себе оценку человека, как глупца. В данном случае это слово используется для выражения злой насмешки нечистой силы над человеком, проигрывающим в карты.

- *Он бачь, яка **кака** намалевана!* (Ночь перед Рождеством) [Там же, 1994: 75].

Слово «кака» характеризует объект, как нечто плохое, неприятное и непригодное. Данная лексическая единица используется для обозначения изображения черта.

- *Вот и карты розданы. Взял дед свои в руки – смотреть не хочется, такая **дрянь*** (Пропавшая грамота) [Там же, 1994: 48].

Негативную оценку выражает лексическая единица «дрянь». Также данное слово подчеркивает эмоциональное состояние персонажа, его раздражение и отчаяние.

Еще одну группы лексических экспрессивизаторов можно обозначить как лексику с экспрессивным значением. В отличие от оценочной лексики такие слова не несут в себе прямой негативной или положительной оценки, понятной даже вне контекста. Их выразительность основывается на двух факторах:

- на стилистической окраске, то есть на принадлежности либо к высокому, либо к низкому стилю речи;

- на содержащихся в них дополнительных оттенках значения по сравнению с нейтральными словами.

Такие слова сами по себе являются экспрессивными, однако, наибольшую выразительность они приобретают в контексте, когда контрастируют с нейтральными лексическими единицами.

Рассмотрим следующие примеры:

- *Ослепительно блистали верхи белых шатров и яток, **осененные** каким-то едва приметным огненно-розовым светом* (Сорочинская Ярмарка) [Там же, 1994: 11].

Принадлежащее возвышенной лексике слово «осененные» привлекает внимание к таинственности света и помогает создать яркий образ.

- *не думая долго, схватил он комок грязи и **швырнул** вслед за нею* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 7].

Употребление разговорной лексической единицы «швырнул» вместо нейтральной «бросил» выражает пренебрежение.

- *Кинул от себя кухоль на землю* (Вечер накануне Ивана Купала) [Там же, 1994: 24].

Здесь разговорное слово «кинул» выражает пренебрежение к прошенному предмету и решимость персонажа.

- *Брешут сучи бабы!* (Ночь перед Рождеством) [Там же, 1994: 58].

Разговорная лексическая единица «брешут», употребленная вместо слова «обманывают», выражает презрение говорящего.

- *старой кобылы, тащившейся, за долгое служение, теперь на продажу* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 6].

Разговорное слово «тащившейся» выполняет изобразительную функцию, отмечая, что животное идет с трудом и неохотой. Также данная лексическая единица помогает подчеркнуть несправедливость ситуации, в которой вместо награды за труд лошадь продают на убой.

Таким образом, лексические средства оказывают значительное влияние на экспрессивизацию дискурсивно-текстового пространства. В данном исследовании было выделено три группы лексических экспрессивизаторов:

- лексические стилистические приемы, приобретающие экспрессивность в контексте;

- оценочная лексика, сама по себе содержащая определенную оценку;

- лексика с экспрессивным значением, выразительность которой основывается на принадлежности к высокому или низкому стилю речи, а также на присутствии дополнительных оттенков значения.

Лексические экспрессивизаторы выполняют в художественном тексте набор значимых функций, в том числе эмоционально-оценочную, прагматическую, эстетическую, изобразительную, характеризующую и жанрообразующую.

Определенную экспрессивность несут в себе словообразовательные элементы лексики и ее морфологические характеристики, которые также заслуживают детального рассмотрения.

2.2 Словообразовательные средства экспрессивизации дискурсивно-текстового пространства

Словообразовательными средствами создания экспрессивности выступают разнообразные аффиксы, способные придать слову дополнительный оттенок значения (как правило, эмоциональности или оценочность). К таким средствам можно отнести:

- приставки типа *пре-* или *пере-*;
- негативная приставка *не-*;
- разнообразные приставки придающие слову дополнительный оттенок значения типа *на-*, *по-* и т.д.;
- суффиксы с увеличительным или уменьшительно-ласкательным значением типа *-ок*, *-оньк*, *-еньк*, *-очек*, *-ошенек*, *-охонек*, *-ищ* и так далее;
- суффиксы с почтительным или пренебрежительно-уничижительным значением типа *-ышк*, *-ишк* и так далее.

Проанализируем некоторые примеры использования приставок, выполняющих функцию экспрессивизации текста:

- *кочуют по его неизмеримости* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 5].

Приставка «не-» в данном случае подчеркивает огромный размер поля, как чего-то, что нельзя измерить. Экспрессивизатор служит средством выражения оценки и восхищения.

- *Много прохожих поглядывало с завистью на высокого гончара* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 6].

Приставка «по-» придает новый оттенок смысла слову. Она подчеркивает, что действие осуществлялось неявно, «исподтишка». Данный экспрессивизатор подчеркивает чувство зависти, описываемое в

предложении. Кроме того, он выполняет изобразительную функцию, помогая читателю зрительно представить взгляды прохожих и их характер.

- *Одиноко в стороне тащился на истомленных волах воз, **наваленный** мешками* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 6].

Приставка «на-» подчеркивает тяжесть поклажи, ее избыточность и небрежность размещения на возу. Такой экспрессивизатор служит изобразительным средством, так как помогает читателю вообразить картину происходящего, и выражает оценку.

- *Чтоб вы **перелопались**, дьявольское племя!* (Пропавшая грамота) [Там же, 1994: 48].

В данном примере используется приставка «пере-», которая выражает эмоции говорящего, его гнев. Фраза «Чтоб вы лопнули» имела бы аналогичное значение. Однако, приставка подчеркивает, что проклятье относится к каждому из представителей нечистой силы в отдельности. Это, в свою очередь, показывает более сильную степень гнева человека, произносящего эти слова, его эмоциональность и отчаяние.

Высокой частотой употребления отличается приставка «пре-», которая используются для преувеличения выражаемой мысли или эмоции. Можно привести следующие примеры:

- *не падая в голубую **прекрасную** бездну* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 6].

В данном случае описывается река, отражающая небо и всё окружающее. Приставка «пре-» усиливает характеристику и подчеркивает, что река более, чем просто красива. Данный экспрессивизатор выполняет оценочную функцию и выражает восхищение.

Аналогичным образом приставка «пре-» функционирует в слове «прекрасный» и в характеристике человека:

- *добрая и **прекрасная** панночка* (Майская ночь или утопленница) [Там же, 1994: 44].

Отличием является то, что в данном случае эпитет характеризует не только внешность, но и внутренние качества человека. Экспрессивизатор способствует выражению благодарности и восхищения.

- *отвесил ему **пренизкий** поклон* (Ночь перед Рождеством) [Там же, 1994: 64].

Приставка «пре-» усиливает степень уважения, выражаемого кланяющимся человеком. Экспрессивизатор выполняет несколько функций:

- изобразительную: описывает для читателя поклон;
- оценочную: оценивает действие, как выходящее за грань простого проявления уважения;

- характеризующую: дает характеристику вежливости персонажа и ее проявлениям.

- *Чуб почувствовал **пребольной** удар в плечо* (Ночь перед Рождеством) [Там же, 1994: 59].

Приставка «пре-» подчеркивает силу испытываемой боли. Здесь экспрессивизатор выполняет изобразительную и информативную функцию, сообщая, что боль была очень сильной.

В следующем примере в качестве средства экспрессивизации используется приставка «про-»:

- *всех этих повес **прошколить** хорошенько* (Майская ночь или утопленница) [Там же, 1994: 38].

Данная приставка подчеркивает, что действие должно, как будто, пройти сквозь объекты злости говорящего, чтобы достичь цели. Это подчеркивает силу испытываемой персонажем неприязни и раздражения.

Неоднократно в роли экспрессивизатора выступает приставка «не-», придающая слову значение, противоположное изначальному.

Можно привести следующие примеры:

- *Экая **невидальщина!** Кто на веку своем не знался с нечистым?* (Пропавшая грамота) [Там же, 1994: 45].

Приставка «не-» означает, что описываемый предмет или явление является невероятным и удивительным. Однако, в данном контексте слово употреблено с сарказмом и означает, что в рассказе собеседника на самом деле нет ничего удивительного. Также здесь присутствует суффикс «-щин», который усиливает саркастический эффект, преувеличивая значение употребленной лексической единицы. Экспрессивизатор служит средством выражения оценки.

- *Эх, **недобрые** руки подкинули свитку!* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 14].

Приставка «не-» придает противоположное значение характеристике «добрый». Экспрессивизатор выполняет эмоционально-оценочную функцию, выражая сожаление и негативную оценку предмета.

- *ступай, мой **ненаглядный** Иван* (Страшная месть) [Там же, 1994: 80].

Приставка «не-» характеризует человека, как объект, на который нельзя насмотреться. Экспрессивизатор служит выражением любви говорящего и выполняет эмоционально-оценочную функцию.

Высокой частотой употребления отличаются разнообразные уменьшительно-ласкательные суффиксы.

Рассмотрим следующие примеры:

- *на возу сидела хорошенькая дочка с круглым **личиком** ... с беспечно улыбающимися розовыми **губками*** (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 116].

В данном отрывке используются суффиксы «-ик», «-к» и «-ам». Данные элементы придают существительным «личико» и «губки» ласковое звучание, подчеркивая красоту и очарование милой девушки. Экспрессивизаторы выполняют изобразительную, прагматическую и эмоционально-оценочную функции, выражая симпатию автора к героине.

- *и **хорошенькие** глазки беспрестанно бегали с одного предмета на другой* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 6].

В приведенном примере словообразовательными экспрессивизаторами служат суффиксы «-еньк» и «-к». Как и в предыдущем случае они помогают выразить ласковое отношение и симпатию автора к описываемой девушке, а также создать зрительный образ для читателя.

Суффикс «-еньк» широко используется Н.В. Гоголем в качестве экспрессивного словообразовательного средства. Во многих случаях данный суффикс помогает выразить положительную оценку и ласковое отношение автора к своим персонажам. Например:

- *веселенькое личико* *дочки* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 6]– здесь также используется суффикс «-ик», который усиливает экспрессивизацию;

- *самые молоденькие* (Майская ночь или утопленница) [Там же, 1994: 33].

В других случаях суффикс «-еньк» подчеркивает маленький размер предмета или человека, помогая читателю сформировать соответствующий зрительный образ. То есть, данный суффикс может выполнять изобразительную функцию, которая может быть проиллюстрирована следующими примерами:

- *низенький, толстенький* *человечек* (Майская ночь или утопленница);
- *курил он свою коротенькую* *люльку* (Майская ночь или утопленница);
- *Под носом торчали у него коротенькие* *и густые усы* (Майская ночь или утопленница) [Там же, 1994: 35].

В приведенных примерах суффикс «-еньк» служит не только как описательное средство, подчеркивающее малый размер человека, его трубки и усов, но также выражает ироничное отношение автора к персонажу, создает юмористический эффект и вызывает соответствующую реакцию у читателя. То есть, данный экспрессивизатор выполняет эмоционально-оценочную и прагматическую функции.

Суффикс «-еньк» служит описанием маленького размера и средством выражения иронии и в следующем примере:

- *Спереди совершенно немец: узенькая, беспрестанно вертевшаяся и нюхавшая все, что ни попадалось, мордочка* оканчивалась, как и у наших свиней, *кругленьким пяточком* (Ночь перед Рождеством) [Там же, 1994: 53].

Здесь приводится описание черта. Ироничный эффект подчеркивается использованием суффиксов «-очк» и «-ачк». Посредством словообразовательных средств выразительности автор преподносит черта, как смешное, нелепое существо небольшого размера. Экспрессивизаторы выполняют изобразительную, эмоционально-оценочную и прагматическую функции.

В следующем примере суффикс «-еньк» описывает небольшой размер вишневых деревьев и способствует выражению симпатии и умиления персонажа:

- *радостно спешил к знакомой хате, окруженной низенькими вишнями* (Майская ночь или утопленница) [Там же, 1994: 44].

Здесь описывается ситуация, в которой влюбленный молодой человек идет к дому своей возлюбленной. Суффикс «-еньк», используемый для характеристики деревьев, подчеркивает испытываемые им теплые чувства.

- *Будет готов, мое серденько* (Ночь перед Рождеством) [Там же, 1994: 31].

Уменьшительно-ласкательный суффикс, употребленный в метафорическом обращении к любимой девушке, выражает любовь и симпатию говорящего, а также стремление оказать успокаивающее воздействие на собеседницу.

- *Хоть весь околоток выходи своими беленькими ножками, не найдешь такого!* (Ночь перед Рождеством) [Там же, 1994: 56].

В данном примере употреблены три суффикса: «-еньк», «-к» и «-ам», которые выражают любовь и симпатию к девушке, а также восхищение ее красотой.

- *сделала из его толстой косы самую узенькую* (Ночь перед Рождеством) [Там же, 1994: 61].

Суффикс «-еньк», употребленный в составе литоты, способствует выражению иронии автора по отношению к дьякону, который лишился волос из-за нрава своей жены, и создает юмористический эффект.

- *Ему почудился в толпе девушек голос и **тоненький** смех Оксаны* (Ночь перед Рождеством) [Там же, 1994: 63].

В данном случае суффикс «-еньк» выполняет изобразительную функцию, позволяя передать характер смеха читателю, а также выражает симпатию, испытываемую к девушке кузнецом.

Употребление суффикса «-еньк» в одной и той же лексической единице может нести разное значение в зависимости от контекста. Это явление можно рассмотреть на примере лексических единиц «хорошенький», «хорошенько» и их форм.

- *Голова крив; но зато одинокий глаз его злодей и далеко может увидеть **хорошенькую** поселянку* (Майская ночь или утопленница) [Там же, 1994: 33].

Суффикс «-еньк» выражает симпатию и ласковое отношение автора к поселянке, которое подчеркивает осуждение Головы.

- *Хотел было **хорошенько** приструнить их* (Майская ночь или утопленница) [Там же, 1994: 38].

Суффикс «-еньк» в слове «хорошенько» подчеркивает злость персонажа.

- *разглядевши **хорошенько**: что за чудища!* (Пропавшая грамота) [Там же, 1994: 47].

Здесь суффикс «-еньк» подчеркивает действие персонажа, которому пришлось внимательно приглядеться. Также в данном контексте слово с экспрессивизатором приобретает ироничную окраску.

- ***хорошенькая** кокетка* (Ночь перед Рождеством) [Там же, 1994: 55].

Суффикс «-еньк» выражает восхищение красотой девушки и умиление.

Еще одним часто используемым в целях экспрессивизации словообразовательным аффиксом является суффикс «-оньк». Рассмотрим примеры его употребления:

- *Дом **новехонький*** (Майская ночь или утопленница) [Там же, 1994: 41].

Суффикс подчеркивает положительную оценку дома и выраженную персонажем похвалу.

- *закрыл он **окошко*** (Майская ночь или утопленница);

- ***тихонько** удалился* (Майская ночь или утопленница) [Там же, 1994: 44].

В этих примерах суффикс «-оньк» подчеркивает любовь, испытываемую молодым человеком к девушке и чувство умиление, которое он вызывает у автора. Также суффикс помогает вызвать симпатию к персонажу у читателя.

- *только одна рожка сунула горячую головню **прямахонько** деду в лоб* (Пропавшая грамота) [Там же, 1994: 47].

Здесь суффикс «-оньк» подчеркивает точность удара и создает юмористический эффект.

- *Вот дед карты **потихоньку** под стол — и перекрестил* (Пропавшая грамота) [Там же, 1994: 49].

При помощи суффикса ярко описывает характер действия, совершенного скрытно, и хитрость персонажа. Экспрессивизатор выполняет изобразительную и характеризующую функцию.

- *сидит сама, в золотой короне, в серой **новехонькой** свитке, в красных сапогах, и золотые галушки ест* (Пропавшая грамота) [Там же, 1994: 49].

Здесь суффикс «-оньк» выражает иронию, а также оценку, данную персонажем внешнему виду царицы. Кроме того, экспрессивизатор выполняет изобразительную функцию.

Уменьшительно-ласкательный суффикс «-очк» может использоваться для выражения сарказма:

- *нанесли жинке его бесчестье, ему бы и **нуждочки** не было* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 10].

Здесь экспрессивизатор выполняет эмоционально-оценочную и характеризующую функцию (дает косвенную характеристику говорящей женщине, как язвительному человеку).

В некоторых случаях Н.В. Гоголь употребляет суффиксы «-ышк», «-ишк», которые, как правило, придают лексической единице почтительное или уничижительно значение. Однако, в произведениях автора это правило не всегда действует.

Рассмотрим несколько примеров:

- *одним только черным **пятнышком** мелькала вверху* (Ночь перед Рождеством) [Там же, 1994: 53].

Здесь приводится описание ведьмы, которая поднялась высоко в небо и стала почти не различима из-за большого расстояния. Суффикс «-ышк» выполняет изобразительную функцию и описывает маленький размер пятна, в которое зрительно превратилась ведьма.

- ***Мальчишки** в запачканных рубашках бежали глядеть* (Иван Федорович Шпонька и его тетушка) [Там же, 1994: 102].

- *Иван Федорович, возьмите **крылышко*** (Иван Федорович Шпонька и его тетушка) [Там же, 1994: 102].

Суффикс «-ышк» служит средством обозначения уважительного отношения к собеседнику и выполняет эмоционально-оценочную и прагматическую функции.

- *не румянится ли понизившееся **солнышко*** (Вечер накануне Ивана Купала) [Там же, 1994: 24].

Здесь суффикс «-ышк» выражает симпатию говорящего к солнцу и выполняет эмоционально-оценочную функцию.

В этом примере суффикс «-ишк» придает лексической единице оттенок пренебрежения. В то же время он помогает имитировать в тексте разговорную речь.

- в этом самом пруде он когда-то с *ребятишками* брел по шею в воде за *раками* (Иван Федорович Шпонька и его тетушка) [Там же, 1994: 101].

В данном примере используются два суффикса «-ишк» и «-ам». Вместе они выражают симпатию к детям и умиление.

Таким образом, словообразовательные экспрессивизаторы текстового пространства представляют собой аффиксы (приставки и суффиксы), меняющие значение слова (как в случае с приставкой «не-»), либо придающие ему новый оттенок смысла. Главным образом данные средства выражения экспрессии выражают четыре функции: эмоционально-оценочную, прагматическую, изобразительную и характеризующую.

Рассмотрев словообразовательные экспрессивизаторы текстового пространства, важно проанализировать морфологическую сторону исследуемой проблемы нашей работы.

2.3 Морфологические средства экспрессивизации дискурсивно-текстового пространства

Морфологический уровень языка тесно связан с лексическим и словообразовательным уровнями. Данному уровню принадлежат морфемы (к которым относятся словообразовательные элементы), грамматические словоформы и части речи.

В рамках данной работы в качестве морфологических средств экспрессивизации было решено рассматривать различные части речи и их роль в придании дискурсивно-текстовому пространству выразительности. Сразу необходимо отметить связь морфологических выразительных свойств слова с его лексическим значением (то есть, с экспрессивизаторами лексического уровня). Каждая лексическая единица принадлежит той или иной части речи, а каждое слово, рассматриваемое с позиции морфологии, обладает определенным лексическим значением. Таким образом, экспрессии морфологического и лексического уровней тесно взаимосвязаны и часто неотделимы друг от друга.

Самую обширную группу составляют имена существительные, которые дают наименования всем явлениям и предметам окружающей действительности, а также обозначают состояния, действия, качества и свойства.

Как уже отмечалось ранее, в русском языке имеется ряд слов (в том числе и существительных), несущих в себе экспрессивное наполнение, благодаря заложенному в них смыслу. Например:

- *представилась твоя **рожа** барабаном* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 17].

Существительное «рожа» несет в себе негативное оценочное значение.

- *голубко* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 19].

Существительное «голубко» служит ласковым обращением к собеседнику.

Однако, выраженный существительными смысл относится скорее к лексико-семантическому, чем к морфологическому уровню.

Морфологическая экспрессия имен существительных может быть усмотрена в следующих случаях:

- ***Шум, брань, мычание, бляние, рев** – все сливается в один нестройный говор* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 7].

В данном примере приведен ряд существительных, образованных от глаголов «шуметь», «браниться», «мычать» и так далее. Эти существительные описывают действие как предмет, вызывая в воображении читателя яркую картину. Также они создают ощущение динамики происходящего на ярмарке. Следовательно, они выполняют изобразительную функцию.

- ***Волы, мешки, сено, цыганы, горшки, бабы, пряники, шапки** – все ярко, пестро, нестройно* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 7].

В этом случае также присутствует ряд однородных существительных, которые создают эффект динамики и ярко описывают изобилие на ярмарке.

Здесь также присутствует ряд однородных прилагательных «ярко, пестро, нестройно», которые также выполняют изобразительную функцию.

Следует отметить, что морфологическая экспрессия в приведенных примерах тесно связана с экспрессией синтаксической. Здесь используются перечисление и бессоюзная связь, которые также способствуют воспроизведению эффекта динамики.

- *где под полотняными ятками нарядно развешаны **красные ленты, серьги, оловянные, медные кресты и дукаты*** (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 8].

Повторяющиеся существительные с характеризующими прилагательными также выполняют изобразительную функцию, описывая изобилие и многообразие.

Присутствие в предложении существительных, выступающих в роли однородных предложение, может выполнять также эмоционально-оценочную функцию. Подобное явления можно проиллюстрировать следующим примером:

- ***пьяница да бродяга*** (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 10].

Использование двух однородных существительных усиливает эффект негативного значения, заложенного в лексических единицах. Существительные выражают негативную оценку человека, а также эмоции и отношение говорящего: злость, раздражение, презрение.

- ***Дурень, дурень!*** (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 37].

Здесь два одинаковых существительных, употребленных вместе, усиливают содержащуюся в них негативную оценку и подчеркивают злость и раздражение говорящего. В данном случае морфологическая экспрессия также тесно взаимодействует не только с лексической, но и синтаксической: используется синтаксический стилистический прием повтора.

Определенным экспрессивным значением обладают частицы «не» и «ни». Рассмотрим следующие примеры:

- Но **ни** один из прохожих и проезжих **не** знал, чего ей стоило упросить отца взять с собою (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 6].

В данном случае частица «ни» усиливает отрицание, выраженное при помощи частицы «не». Обе частицы делают акцент на том факте, что девушке было тяжело упросить отца взять ее с собой на ярмарку и, таким образом, берут на себя часть информативной функции заложенной в высказывании, а также вызывают эмоциональный отклик у читателя (то есть, выполняют прагматическую функцию).

- Разноголосные речи потопляют друг друга, и **ни** одно слово **не** выхватится, **не** спасется от этого потопа; **ни** один крик **не** выговорится ясно (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 7].

Частицы «не» и «ни» усиливают метафорический образ потопа, используемый для обозначения шумной речи. Они выполняют, в первую очередь, изобразительную функцию, формируя яркий образ для читателя. Здесь наблюдается тесное взаимодействие морфологических экспрессивизаторов с лексическими (на этот раз, выраженными другими лексическими единицами – метафорами), а также с синтаксическим стилистическим приемом параллелизма и повтора.

- и сердце забилося так, как еще никогда, **ни** при какой радости, **ни** при каком горе (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 8].

Частица «ни» усиливает отрицание, заложенное в слове «никогда», а также подчеркивает силу испытываемых эмоций. Эмоционально-оценочная функция экспрессивизатора усиливается за счет употребления анафорического повтора и параллельных конструкций.

Некоторым экспрессивным потенциалом обладают местоимения. Рассмотрим примеры:

- но **мы** и позабыли, что и она тут же сидела на высоте воза (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 6].

Личное местоимение «мы» выполняет прагматическую функцию, провоцируя читателя на повышенное внимание к последующей информации

и на возникновение чувство общности с автором. Посредством данного экспрессивизатора писатель объединяет себя и читателя в одну группу и делает реципиента текста непосредственным участником художественного повествования.

Подобная ситуация наблюдается и в следующем примере:

- Глазам **наших** путешественников начал уже открываться Псел (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 6].

Здесь личное местоимение «наших» также апеллирует к чувству единения с писателем.

В качестве экспрессивизаторов могут выступать союзы. Приведем следующий пример:

– **Чтоб** ты подавился, негодный бурлак! **Чтоб** твоего отца горшком в голову стукнуло! **Чтоб** он подскользнулся на льду, антихрист проклятый! **Чтоб** ему на том свете черт бороду обжег! (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 7].

Повторение союза «чтоб» выполняет экспрессивно-оценочную функцию, подчеркивая степень гнева говорящего, выраженного посредством лексических и синтаксических экспрессивизаторов. Союз функционирует в сочетании с такими лексическими средствами, как экспрессивная лексика («негодный») и лексические стилистические приемы (эпитет «негодный», метафоры «бурлак», «антихрист»). Также морфологический экспрессивизатор тесно взаимодействует с синтаксическими средствами выразительности, такими как анафорический повтор и восклицания.

- **и** чудно **и** любо ей показалось (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 8].

Повторяющийся союз «и» подчеркивает одновременность испытываемых чувств и усиливает выразительность их описания.

Высокой степенью экспрессивности обладают глаголы, главное предназначение которых заключается в придании тексту динамичности. Например:

- *неутомимый язык ее трещал и болтался во рту* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 7].

Использование глаголов, выступающих в качестве однородных членов предложения, подчеркивает активность движения языка женщины и выполняет изобразительную функцию.

- *по тесным улицам, кричит, гогочет, гремит?* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 7].

Употребление ряда глаголов, являющихся однородными членами предложения с бессоюзной связью, создает динамику и подчеркивает высокий уровень шума. Здесь экспрессивизатором также выполняется изобразительная функция.

- *мечется кучами и снуется перед глазами* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 7].

Однородные глаголы выполняют изобразительную функцию, создавая динамическую картину в воображении читателя.

В качестве экспрессивизаторов широко используются имена прилагательные, дающие характеристику тому или иному предмету или явлению. Например:

- *все было ей чудно, ново...* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 6].

Краткие прилагательные выполняют информативную и эмоционально-оценочную функцию, сообщая о впечатлениях девушки, впервые попавшей на ярмарку.

- *издали уже веяло прохладой, которая казалась ощутительнее после томительного, разрушающего жара* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 6].

Прилагательное в превосходной степени в сочетании с прилагательными «томительного, разрушающего» формирует контраст и помогает создать яркий образ, выполняя изобразительную функцию.

- *красные щеки ее превратились в огненные* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 7].

Два прилагательных, используемых для характеристики цвета щек, создают между собой контраст и выражают разную степень гнева женщины. Таким образом, выполняются эмоционально-оценочная и изобразительная функции.

- *верно, это лукавый!* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 8].

В данном случае имеет место использование существительного, обладающего формой прилагательного. Подобное преобразование прилагательного в существительное наделяет последнее рядом характеристик (хитрый, лживый и т.д.). Здесь экспрессивизатор находится в тесном взаимодействии с лексико-семантическим значением слова и выполняет эмоционально-оценочную и характеризующую функции.

- *оборваннейший из всех голодранцев* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 10].

Прилагательное в превосходной степени усиливает выражаемые эмоции злости, раздражения и презрения, а также увеличивает степень негативной оценки.

Высокой степенью экспрессивности обладают такие морфологические средства, как междометья. Они способны выражать самые разные мысли, эмоции и чувства, которые, зачастую, могут быть понятны только из контекста.

Рассмотрим ряд примеров:

– *ТЬфу, дьявол!* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 11].

Междометье «тьфу» используется для выражения досады и выполняет эмоционально-оценочную функцию.

– *Тс!* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 12].

Это междометье является призывом собеседника к осторожности и выполняет прагматическую функцию.

– *Эх, хлопцы! гулял бы, да в ночь эту срок молодцу!* (Пропавшая грамота) [Там же, 1994: 45].

В данном случае междометье «эх» выражает грусть говорящего по поводу того, что он не может гулять всю ночь.

«Ай! ай! ай!» – отчаянно закричал один (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 15].

Повторяющееся междометье выражает страх говорящего. Интересно отметить, что это же междометье может использоваться для экспрессивизации других эмоций:

- Ай! — вскрикнула Оксана, переступив через порог и увидев кузнеца (Ночь перед Рождеством) [Там же, 1994: 75].

В данном случае междометье «ай» выражает удивление и радость.

- Вот на! (Ночь перед Рождеством) [Там же, 1994: 59].

Междометье «на» в сочетании с частицей «вот» и восклицательной конструкцией выражает сильное удивление.

- Э-ге-ге! он ходит к его молодой жене (Ночь перед Рождеством) [Там же, 1994: 59].

Междометье выражает удивление и, одновременно, удовольствие от разоблачения.

- Гм! рука! хе! хе! хе! — произнес сердечно довольный своим началом дьяк и прошелся по комнате (Ночь перед Рождеством) [Там же, 1994: 61].

В данном случае междометья выражают удовольствие и некоторое смущение.

Следует отметить, что междометья выполняют также изобразительную функцию, так как используются для правдоподобной передачи разговорной речи.

Таким образом, морфологические средства экспрессивизации дискурсивно-текстового пространства основываются на выразительном потенциале тех или иных частей речи. Такие экспрессивизаторы находятся в сильной зависимости от семантического значения лексических единиц и особенностей синтаксических конструкций. Исключения составляют

междометья, обладающие относительной экспрессивной самостоятельностью.

Морфологические экспрессивизаторы способны выполнять в художественном тексте разнообразные функции. Однако, чаще всего они используются для изображения яркого образа. Исключением снова являются междометья, наиболее заметной функцией которых является эмоционально-оценочная.

Морфологические средства невозможно рассматривать отдельно от синтаксических способов экспрессивизации дискурсивно-текстового пространства в связи с тем, что данные составляющие анализируемого вопроса взаимосвязаны друг с другом.

2.4 Синтаксические способы экспрессивизации дискурсивно-текстового пространства

Синтаксические средства экспрессивизации дискурсивно-текстового пространства основываются на использовании в экспрессивных целях определенных синтаксических конструкций. Следует отметить, что экспрессия синтаксических конструкций находится в тесной взаимосвязи с лексическим наполнением. Соответственно, такие характеристики лексических единиц, как морфологические свойства и использованные в них словообразовательные средства также оказывают влияние на выразительность фразы.

Часто используемым приемом является употребление восклицаний, которые способны выражать разнообразные чувства и эмоции повествователя и персонажей.

Рассмотрим ряд примеров:

- *Девушка восемнадцать лет в первый раз на ярмарке!* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 6].

Восклицание выполняет прагматическую функцию. Автор стремится заставить читателя прочувствовать чувства и эмоции юной девушки,

оказавшейся впервые на ярмарке, и обращается к реципиентам текста посредством восклицательной конструкции.

Аналогичный эффект имеют следующие повторяющиеся восклицания:

- *Как не рассеяться! в первый раз на ярмарке!* (Сорочинская ярмарка)

[Там же, 1994: 6].

Здесь автор также призывает читателя к сочувствию и пониманию реакции персонажа.

- *Ай да дивчина!* (Сорочинская ярмарка);

- *Славная дивчина!* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 7].

Данные восклицания содержат в себе положительную оценку красоты девушки со стороны говорящих. Выражению этой оценки способствуют также междометья «ай да» (морфологический уровень) и эпитет «славная» (лексический уровень).

- *Вишь, как ругается!* – *сказал парубок* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 7].

В данном случае восклицание выполняет эмоционально-оценочную и прагматическую функцию. С одной стороны, оно выражает издевку и иронию. С другой стороны, стремление привлечь к насмешке окружающих. Экспрессивный эффект усиливается за счет употребления междометья «вишь».

- *Вот беда! Не ушиблись ли вы, не сломили ли еще, боже оборони, шеи?* – *лепетала заботливая Хивря* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 12].

Восклицание выражает негативную оценку происходящего и сочувствие говорящего. Экспрессивность восклицания усиливается за счет употребления лексической единицы «беда» с негативным денотативным значением и междометья «вот».

- *чтоб ему, собачьему сыну, приснился крест святой!* (Вечер накануне Ивана Купала) [Там же, 1994: 23].

Восклицание выполняет эмоционально-оценочную функцию, выражая гнев и осуждение говорящего. Экспрессивность усиливается посредством

употребление метафоры «собачьему сыну» и союза «чтоб». Также данная фраза выполняет характеризующую функцию, представляя говорящего как человека, склонного к выражению сильных эмоций и гневу.

- *Левко? Левко еще молокосос!* (Майская ночь, или утопленница) [Там же, 1994: 34].

Данные слова произносятся отцом в отношении своего сына. Здесь восклицание выражает возмущение и презрение говорящего и содержит негативную оценку. Экспрессия также создается за счет употребления стилистически окрашенной лексической единицы с негативным оценочным значением «молокосос» и повтора имени «Левко». Дополнительно восклицание выполняет характеризующую функцию, описывая говорящего, как человека, испытывающего неприязнь к собственному сыну.

- *Как тебе не стыдно!* (Майская ночь, или утопленница) [Там же, 1994: 34].

Восклицание выражает возмущение говорящего и осуждение собеседника. Помимо эмоционально-оценочной функции выполняется функция прагматическая: говорящий апеллирует к чувству стыда другого персонажа.

- *Ай да батько! — говорил Левко, очнувшись от своего изумления и глядя вслед уходившему с ругательствами голове. — Вот какие за тобою водятся проказы! славно!* (Майская ночь, или утопленница) [Там же, 1994: 34].

Персонаж произносит эти слова увидев, что его отец пристаёт к его возлюбленной. Повторяющиеся восклицания выражают удивление, возмущение и осуждение. Экспрессивность усиливается за счет междометий «ай да» и иронического употребления лексической единицы «славно» в противоположном значении.

- *Что за пропасть!* (Ночь перед Рождеством) [Там же, 1994: 40].

Восклицание выражает удивление и возмущение говорящего. Экспрессивный эффект усиливается за счет употребления оценочной лексической единицы «пропасть».

- *Чудно, право!* (Ночь перед Рождеством) [Там же, 1994: 55].

Восклицание выражает удивление. Выразительность усиливается за счет употребления вводного слова «право».

- *Славно! славная работа!* (Ночь перед Рождеством) [Там же, 1994: 75].

Восклицания выражают похвалу и восхищение. Эффект усиливается благодаря использованию повтора и употреблению лексических единиц с положительной оценочной характеристикой.

- *Добре! присылай сватов!* (Ночь перед Рождеством) [Там же, 1994: 75].

Данные восклицания, включающие императив, выражают решимость и одобрение.

Еще одну группу синтаксических средств, создающих в тексте экспрессию, составляют вопросы в повествовании. Они привлекают внимание читателя, вовлекая его в диалог с автором. А значит, первичной функцией таких вопросов является прагматическая.

Проанализируем несколько примеров:

- *Что делать с окаянным?* (Вечер накануне Ивана Купала) [Там же, 1994: 23].

Данный вопрос выражает растерянность и возмущение персонажей, оказавшихся перед лицом опасности в виде посещающего деревню дьявола. Форма вопроса призвана вызвать у читателя сочувствие.

- *Что бы это значило? Положим, запорожца взяла нечистая сила; кто же коней?* (Пропавшая грамота) [Там же, 1994: 46].

Вопросы выражают удивление и провоцируют читателя на размышления и предположения относительно случившегося, привлекая тем самым внимание к ходу повествования.

- *куда же это, в самом деле, запропастился кузнец?* (Ночь перед Рождеством) [Там же, 1994: 74].

Посредством вопроса автор выражает беспокойство и провоцирует читателя на любопытство.

Экспрессивность может присутствовать и в вопросах, относящихся к несобственно прямой речи персонажей. Так, красавица Оксана в рассказе «Ночь перед Рождеством» задает вопрос, любуясь на свое отражение в зеркале:

- *Да, парубки, вам ли чета я?* (Ночь перед Рождеством) [Там же, 1994: 55].

Здесь вопрос выполняет характеризующую функцию, указывая на тщеславие героини.

Значительным экспрессивным эффектом обладает синтаксический параллелизм, заключающийся в использовании схожего синтаксического строения в двух или более находящихся рядом синтагмах или предложениях. Данный прием часто сопровождается повтором одной или нескольких лексических единиц. Сам по себе параллелизм делает речь более эмоциональной и выразительной, а также создает в тексте ритм.

Чтобы проиллюстрировать формируемую синтаксическим параллелизмом экспрессию можно рассмотреть следующие примеры:

- *На нем ни облака. В поле ни речи.* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 5].

В данном случае параллелизм выполняет эстетическую и изобразительную функции. Он делает речь повествователя более плавной и помогает читателю точно представить себе спокойную картину природы.

- *Если б ты и не отец мой был, и тогда бы не заставил меня изменить моемулюбому, верному мужу. Если бы муж мой и не был мне верен и мил, и тогда бы не изменила ему, потому что Бог не любит клятвопреступных и неверных душ* (Страшная месть) [Там же, 1994: 84].

Синтаксический параллелизм подчеркивает эмоциональный подъем, с которым девушка произносит речь. Здесь выражены верность и любовь к мужу, испытываемые героиней, а также осуждение в отношении ее отца.

- а нетопыри залетали сильнее вниз и вверх, взад и вперед (Страшная месть) [Там же, 1994: 82].

Синтаксический параллелизм в части «вниз и вверх, взад и вперед» указывает на динамику процесса и ярко описывает хаос и ужас происходящего во время совершения колдовского ритуала. Посредством конструкции выполняются изобразительная и прагматическая функции: создается яркий образ в воображении читателя и провоцируется чувство страха.

- Пропадай он, тони он — не подам руки спасти его. Сохни он от тайной травы — не подам воды напиток ему (Страшная месть) [Там же, 1994: 84].

Параллельные конструкции подчеркивают силу гнева дочери, отрекающейся от отца, и выполняют эстетическую функцию, создавая драматический эффект.

- ее смешило до крайности, как цыган и мужик били один другого по рукам, вскрикивая сами от боли; как пьяный жид давал бабе киселя; как поссорившиеся перекупки перекидывались бранью и раками; как москаль, поглаживая одною рукою свою козлиную бороду, другою... (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 8].

Здесь параллельные конструкции в сочетании с анафорическим повтором лексической единицы «как» выполняют изобразительную функцию, ярко описывая динамичность и многообразие ярмарки.

Для экспрессивизации текста Н.В. Гоголь широко использует повторы, которые привлекают внимание к отдельным лексическим единицам и способствуют яркому выражению эмоций.

Можно привести следующие примеры:

- и язык у нее, у **столетней** ведьмы, не заболит выговорить эти слова.
– **Столетней!** – подхватила пожилая красавица. – **Нечестивец!** поди умойся наперед! Сорванец негодный! Я не видала твоей матери, но знаю, что **дрянь!**

и отец дрянь! и тетка дрянь! Столетней! что у него молоко еще на губах... (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 7].

Здесь повторы ярко передают крайнюю степень негодования и гнева, а также служат косвенной характеристикой говорящей женщины. Повтор слова «столетней» образует рамочную конструкцию, показывая, что именно это слово женщина посчитала наиболее оскорбительным (на метафорическую характеристику «ведьма» она не обращает внимание). Эпифорический повтор слова «дрянь» создает ритм в речи и подчеркивает грубость говорящей.

– *Что ж, Хивря, хоть бы и тот самый; чем же он сорванец?*

– *Э! чем же он сорванец! Ах ты, безмозглая башка! слышишь! чем же он сорванец!* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 10].

Здесь повтор имеет одновременно форму анадиплосиса (подхвата) и рамочной конструкции. Он служит средством выражения возмущения и желания оскорбить собеседника, выполняя, таким образом, эмоционально-оценочную и прагматическую функции.

– *Не бойся, серденько, не бойся!* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 8].

Рамочный повтор сочетания «не бойся» выполняет прагматическую функцию: он должен оказать успокаивающее воздействие на собеседника.

– *Однако ж, черт возьми, земляк, ты, видно, ее соломою кормил!*

– *Соломою?* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 17].

Повтор в форме анадиплосиса выражает злость и возмущение в ответ на ироничное предположение собеседника и критику лошади.

В следующих случаях повтор используется в первую очередь в прагматической функции с целью оказания воздействия на собеседника и побуждения его к определенному действию (или прекращению действия):

– *Ступай! ступай! с тебя и без того смеются!* (Сорочинская ярмарка);

– *Полно, полно тебе чепуху молоть!* (Сорочинская ярмарка) [Там же, 1994: 17].

Помимо попытки воздействия повторы репрезентуют раздражение говорящего.

- *Так уже, видно, бог велел, – пропадать так пропадать!* (Вечер накануне Ивана Купала) [Там же, 1994: 24].

Здесь повтор выражает решимость и отчаянье персонажа, а также вызывает сочувствие у читателя.

- *Ты лжешь; ты обманываешь меня; ты меня не любишь; я никогда не поверю, чтобы ты меня любил!* (Майская ночь, или утопленница) [Там же, 1994: 34].

Повторы в данном случае подчеркивают эмоциональное состояние говорящей девушки, ее негативную оценку собеседника, возмущение и недоверие.

- *Давно пора, давно пора, пан голова* (Майская ночь, или утопленница) [Там же, 1994: 38].

Здесь повтор конструкции, выражающей согласие, подчеркивает льстивость говорящего и выполняет характеризующую функцию.

- *и ночь, божественная ночь, величественно догорала* (Майская ночь, или утопленница) [Там же, 1994: 44].

Повтор лексической единицы *ночь* в сочетании с метафорой «догорала» и эпитетами выполняет эстетическую и изобразительную функции: украшает текст и создает яркий образ красоты ночи в воображении читателя.

- *И чудится пану Даниле, что в светлице блестит месяц, ходят звезды, неясно мелькает темно-синее небо, и холод ночного воздуха пахнул даже ему в лицо. И чудится пану Даниле (тут он стал щупать себя за усы, не спит ли), что уже не небо в светлице, а его собственная опочивальня... ..и чудится пану Даниле, что облако то не облако, что то стоит женищина... (Страшная месьть)* [Там же, 1994: 83].

В этом примере анафорический повтор выполняет прагматическую функцию. Он помогает создать напряжение и заставить читателя испытать чувство страха и осознать таинственность происходящего. Также повтор создает в тексте ритм, выполняя эстетическую функцию.

Определенным экспрессивным потенциалом обладают перечисления однородных членов предложения. Приведем следующий пример:

- *Понаберет встречных козаков: хохот, песни, деньги сыплются, водка – как вода...* (Вечер накануне Ивана Купала) [Там же, 1994: 22].

Здесь синтаксическое средство выразительно тесно переплетается с морфологическим (присутствие ряда существительных). Действуя совместно, морфологический и синтаксический экспрессивизаторы выполняют изобразительную функцию, создавая яркий, насыщенный образ и подчеркивая изобилие.

Также одновременно синтаксическим и морфологическим средством экспрессивизации выступает многосоюзие. Можно привести следующие примеры:

- *чуден показался ей и поцелуй, и странный блеск очей* (Страшная месть) [Там же, 1994: 80].

Повтор союза «и» делает фразу более эмоциональной и подчеркивает испытываемое девушкой подозрение.

- *Как зелен и душист тот луг, где я играла в детстве: и полевые цветочки те же, и хата наша, и огород!* (Страшная месть) [Там же, 1994: 83].

Повторяющийся союз «и» особо подчеркивает каждый из перечисляемых предметов, служа средством выражения тоски девушки по прошлому.

Таким образом, синтаксическая экспрессивизация дискурсивно-текстового пространства заключается в использовании в целях выразительности синтаксических конструкций. Такие экспрессивизаторы находятся в тесном взаимодействии с экспрессивными средствами

лексического и морфологического уровней и способны выполнять разнообразные функции, основными среди которых являются эмоционально-оценочная, прагматическая, характеризующая и изобразительная.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

В данной главе был проведен практический анализ специфики функционирования языковых средств и способов экспрессивизации дискурсивно-текстового пространства в произведениях Н.В. Гоголя. Были выявлены и рассмотрены экспрессивизаторы, принадлежащие четырем языковым уровням: лексическому, словообразовательному, морфологическому и синтаксическому.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Наибольшим потенциалом для экспрессивизации пространства художественного текста обладают лексические экспрессивизаторы, которые подразделяются на три разновидности:

- лексические стилистические приемы;
- оценочная лексика;
- лексика с экспрессивным значением.

Словообразовательные экспрессивизаторы текстового пространства представляют собой аффиксы: приставки и суффиксы, которые способны изменить значение слова или придать ему новый оттенок смысла.

Морфологические средства экспрессивизации основываются на выразительном потенциале различных частей речи.

Синтаксические же экспрессивизаторы создают выразительность посредством использования особых синтаксических конструкций.

Все четыре вида экспрессивизаторов находятся в тесной взаимосвязи и часто функционируют совместно. Так, словообразовательные элементы и морфологические характеристики принадлежат лексическим единицам и

неотделимы от них. Синтаксические же конструкции содержат в своей структуре лексические единицы со всеми их характеристиками и семантикой.

Функции экспрессивизаторов в художественном тексте многообразны. Среди них наиболее значимыми являются следующие:

- экспрессивизаторы делают текст более лаконичным, так как способствуют более краткому и емкому выражению мысли автора;

- эмоционально-оценочная функция заключается в способности при помощи экспрессивизаторов выражать весь спектр эмоций и разнообразные оценки;

- прагматическая функция состоит в способности вызывать определенный эмоциональный или мыслительный отклик у читателя или персонажа (в диалоге);

- эстетическая функция заключается в способности экспрессивизаторов служить средством украшения текста путем придания ему образности и определенного ритма;

- изобразительная функция состоит в создании ярких, живых образов;

- характеризующая функция состоит в способности давать прямую или косвенную характеристику персонажам;

- информативная функция заключается в способности доносить определенную информацию;

- жанрообразующая функция состоит в том, что экспрессивизаторы являются неотъемлемым признаком художественного текста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данном диссертационном исследовании велась работа над актуальной темой.

Экспрессивность - это набор разноуровневых параметров высказывания, которые помогают адресанту сообщения выразить отношение к окружающей и внутренней действительности.

Установлено, что экспрессивность является характеристикой языка и его элементов.

В основе экспрессивности лежат близкие, но разноплановые явления, такие как эмоция, оценка, интенсивность, которые на разных уровнях языка способствуют тому, что текст приобретает окрашенность и теряет нейтральность изложения. Это помогает передать субъективное отношение адресанта к предметам действительности и оказать прагматический эффект на получателя сообщения.

Адекватным термином для комплексного многоаспектного описания результатов текстовой деятельности человека является понятие «дискурс» и «дискурсивное пространство».

Основополагающими для всех направлений являются философские представления о пространстве, которое оценивается на основе понимания видов деятельности: разные виды деятельности человека формируют свои пространства.

Дискурс определяется как экстравертивная фигура коммуникации: «совокупность вербальных форм практики организации и оформления содержания коммуникации представителей определенной лингвокультурной общности», а текст как интровертивная фигура коммуникации: «совокупность правил лингвистической и экстралингвистической организации содержания коммуникации представителей определенной лингвокультурной общности».

Специфика функционирования экспрессивизаторов в тексте заключается в том, что они имеют:

- 1) представленность категории в языке и средствами языка, которые образуют ряд подсистем;
- 2) связь категории с реальными процессами мыслительно-речевой деятельности;
- 3) существование в разных языках и в сознании носителей языка.

В рамках данного исследования была рассмотрена специфика функционирования языковых средств и способов экспрессивизации на примере произведений русского классика Николая Васильевича Гоголя (1809-1821). Материалом послужили рассказы из сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки». Выбор произведений был обусловлен широким разнообразием экспрессивизаторов всех языковых уровней.

В работе было рассмотрено четыре группы средств экспрессивизации, выделенных в соответствии с языковыми уровнями: лексические, словообразовательные, морфологические и синтаксические.

Было выявлено, что наибольшим потенциалом для экспрессивизации пространства художественного текста обладают лексические экспрессивизаторы, которые подразделяются на три разновидности:

- лексические стилистические приемы;
- оценочная лексика;
- лексика с экспрессивным значением.

Словообразовательные экспрессивизаторы текстового пространства представляют собой аффиксы: приставки и суффиксы, которые способны изменить значение слова или придать ему новый оттенок смысла.

Морфологические средства экспрессивизации основываются на выразительном потенциале различных частей речи.

Синтаксические же экспрессивизаторы создают выразительность посредством использования особых синтаксических конструкций.

Все четыре вида экспрессивизаторов находятся в тесной взаимосвязи и часто функционируют совместно.

Функции экспрессивизаторов в художественном тексте многообразны. Установлено, что среди них наиболее значимыми являются следующие:

- экспрессивизаторы делают текст более лаконичным, так как способствуют более краткому и емкому выражению мысли автора;
- эмоционально-оценочная функция заключается в способности при помощи экспрессивизаторов выражать весь спектр эмоций и разнообразные оценки;
- прагматическая функция состоит в способности вызывать определенный эмоциональный или мыслительный отклик у читателя или персонажа (в диалоге);
- эстетическая функция заключается в способности экспрессивизаторов служить средством украшения текста путем придания ему образности и определенного ритма;
- изобразительная функция состоит в создании ярких, живых образов;
- характеризующая функция состоит в способности давать прямую или косвенную характеристику персонажам;
- информативная функция заключается в способности доносить определенную информацию;
- жанрообразующая функция состоит в том, что экспрессивизаторы являются неотъемлемым признаком художественного текста.

Таким образом, цель диссертационной работы – исследовать специфику функционирования языковых средств и способов экспрессивизации дискурсивно-текстового пространства - достигнута, задачи по проблеме языковых средств и способов экспрессивизации дискурсивно-текстового пространства – решены, гипотеза – доказана.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амирова Т.А. История языкознания / Т.А.Амирова., Б.А.Ольховиков, Ю.В.Рождественский. - М.: Академия, 2005. - 672 с.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том 1. Лексическая семантика / Ю.Д. Апресян. - [2-е изд., испр. и. доп.]. - М.: "Языки русской культуры", Издательская фирма "Восточная литература" РАН, 1995. - 472 с.
3. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике / Н.Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – Т.32. – 1973. – № 1. С. 84-89.
4. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 2003. - 383 с.
5. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата / Н.Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – Т.40. – 1981. – №4. - С. 356-367.
6. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. - М.: Наука, 1988. – 341 с.
7. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
8. Арутюнова Н.Д. Дискурс. Речь / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2002. - С. 136-137.
9. Арутюнян, А.Р. Экспрессия в художественном тексте / А.Р. Арутюнян // ПГУ. Университетские чтения - 2008. - [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/V/uch_2008_V_00028.pdf.
10. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С.Ахманова. - М.: Сов. Энциклопедия, 1966. - 75 с.
11. Бабайцева, В.В. Структурно-семантическое направление в современной русистике / В.В. Бабайцева // ФН. № 2. - 2006. - С. 54 - 64.

12. Батталова А.Р. Дискурсивное поле: структура и категории (на примере дискурсивного поля христианской культуры) / А.Р. Батталова // Вестник Башкирского университета. Выпуск № 4. – 2015. Т. 20. С. 1299 – 1303.
13. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. - С. 5-22.
14. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
15. Бондарко А.В. К анализу категориальных ситуаций в сфере модальности: императивные ситуации / А.В. Бондарко // ТФГ. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. - С. 80 - 89.
16. Бондарко А.В. Функциональная грамматика / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1984. – 134 с.
17. Бондаренко В.Н. Виды модальных значений и их выражение в языке / В.Н. Бондаренко // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. - 1979. – №2. - С. 54-61.
18. Виноградов В.В. О художественной прозе / В.В. Виноградов. - М.; Л.: Госиздат, 1930. - 193 с.
19. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В.В. Виноградов // Труды института русского языка. – Т.2. – М.,Л.: АН СССР, 1950. - С. 38-79.
20. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур. – М.: Наука, 1993. - 172 с.
21. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. - М.: Наука, 2002. - 280 с.
22. Вольф Е.М. Субъективная модальность и семантика пропозиции / Е.М. Вольф // Прагматика и проблемы интенциональности. – М.: АН СССР, 1988. - С. 178-186.

23. Гак В.Г. О категориях модуса предложения / В.Г. Гак // Предложение и текст в семантическом аспекте. – Калинин: Изд. КГУ, 1978. - С. 19 - 27.
24. Гак В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. - М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
25. Гак В.Г. Человек в языке / В.Г. Гак. - М.: Индрик, 1999. – 424 с.
26. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке: сб. статей по языкознанию / Е.М. Галкина-Федорук. - М., 1958. - С. 103-124.
27. Галкина-Федорук Е.М. Современный русский язык. Ч. I. Лексикология / Е.М. Галкина-Федорук - М.: МГУ, 1962. – 408 с.
28. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. - М.: КомКнига, 2006. – 148 с.
29. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. – Т. 2. Миргород / Н.В. Гоголь. – М.: АН СССР, 1937. – 763 с.
30. Григорьева О. Н. Стилистика русского языка / О.Н. Григорьева. - М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2000. 205 с.
31. Гумбольдт Вильгельм фон. Язык и философия культуры / Вильгельм фон Гумбольдт [пер. с нем.]; сост. общ. ред. и вступ. ст. А.В. Гулыги, Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1985. – 42 с.
32. Гушкова Л.В. Средства усиления экспрессивности и эмоциональности высказывания в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» / Л.В. Гушкова // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – №1. – 2014. – С. 56 - 60.
33. Дорофеев Ю.В. Антропоцентризм в лингвистике и предмет когнитивной грамматики / Ю.В. Дорофеев // Актуальные проблемы современной когнитивной лингвистики: мат. XV Междунар. лингвистической конф. «Язык и мир». – Таврический национальный ун-т им. В. И. Вернадского, 2008. - С. 302–309.

34. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX – XX вв.) / М.Я. Дымарский. - М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 296 с.
35. Ерофеева, Е.В. К вопросу о соотношении понятий ТЕКСТ и ДИСКУРС / Е.В. Ерофеева, А.Н. Кудлаева // Проблемы социо- и психолингвистики: сб.: ст. / под ред. Т.И. Ерофеева. - Пермь, 2003. - Вып. 3 - С. 28-36
36. Загоровская О. В. О семантических различиях образных и экспрессивных единиц языка / О.В. Загоровская // Экспрессивность на разных уровнях языка: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: НГУ, 1984. С. 74 - 80.
37. Зайченко Н.Д. Прагматический потенциал категории модальности / Н.Д. Зайченко. - Хабаровск: Изд. ХГПУ, 1997.- 100 с.
38. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика / В.А. Звегинцев. - М.: Просвещение, 2007. - 336 с.
39. Зеленщиков А.В. Пропозиция и модальность / А.В. Зеленщиков. - СПб: Изд. С.-Петербур. ун-та, 2017. - 214 с.
40. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование / Е.А. Земская. - М.: Просвещение, 2011. – 328 с.
41. Золотова Г.А. О категории оценки в русском языке / Г.А. Золотова // Русский язык в школе. – 1980. – №2.
42. Ибадильдина З.Х. Эмотивная лексика казахского и русского языков / З.Х. Ибадильдина. - Дис. канд. филол. наук. – Алматы, 1997 – 223 с.
43. Ильин Е.П. Эмоции и чувства / Е.П. Ильин. - СПб.: Питер, 2008. – 752 с.
44. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. - М.: Наука, 1987. - С.211-216.
45. Ковалевская Е. Г. Семантическая структура слова и стилистические функции слов / Е.Г. Ковалевская // Языковые значения. Л., 1976. - С. 63–72.

46. Кожина М.Н. О языковой и речевой экспрессивности и ее экстралингвистическом обосновании / М.Н. Кожина // Проблемы экспрессивной стилистики. – Ростов н/Д, 1987. - С.8-17.
47. Колшанский Г.В. Лингвистические основы анализа языкового стиля / Г.В. Колшанский // Проблемы лингвистической стилистики. – М., 1969. – С. 65-66.
48. Комарова А.М. О соотношении субституции и экспрессивности / А.М. Комарова // Экспрессивность на разных уровнях языка. – Новосибирск, 1984. - С. 31- 42.
49. Коммуникативная грамматика русского языка / Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. / Под ред. Г.А.Золотовой. - М.: Изд. МГУ, 1998. - 544 с.
50. Коноваленко Л.И. Семантико-синтаксические средства выражения оценочной модальности в русском и английском языках / Л.И. Коноваленко - Автореферат дис. канд. филол. наук. – Краснодар, 1997. - 23 с.
51. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. - М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.- 375 с.
52. Кубрякова Е.С. Горизонты современной лингвистики. Традиции и новаторство: сбор - ник в честь Кубряковой Е. С. / Е.С. Кубрякова. - М.: Языки славянских культур, 2009. – 207 с.
53. Лекант П.А. К вопросу о модальных разновидностях предложения / П.А. Лекант // Современный русский язык. Лингвистический сборник. - Вып. 6. - М.: Изд. МОПИ, 1976. - С. 97 - 102.
54. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. - 709 с.
55. Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории / Т.П. Ломтев. - М.: Изд. МГУ, 1972. - 200 с.
56. Лотман Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. - М.: Искусство, 1996.- 384 с.

57. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики) / Н.А. Лукьянова. - Новосибирск: Наука, 1986. - С. 55 - 63.
58. Мельник Я.Г. Субъективность как языковая категория / Я.Г. Мельник. - Ивано-Франковск: Альфа, 1997. - 135 с.
59. Петров Н.Е. О содержании и объеме языковой модальности / Н.Е. Петров. - Новосибирск: Наука, 1982.- 160 с.
60. Пешкова Н.П. Психолингвистическая интерактивная модель понимания текстов / Н.П. Пешкова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2013. – №5 (25). – С. 48 - 54.
61. Писарев Д.С. Функционирование восклицательных предложений в современном французском языке и их прагматический аспект / Д.С. Писарев // Прагматические аспекты функционирования языка. - Барнаул: Изд-во АГУ, 1983. - С. 114–125.
62. Прияткина А. Ф. Об экспрессивности союза / А.Ф. Прияткина // Экспрессивность на разных уровнях языка: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: НГУ, 1984. С. 6–19.
63. Прохоров Е.Ю. Действительность. Текст. Дискурс / Е.Ю. Прохоров. - М.: Наука, 2004. - 224 с.
64. Распопов И.П. Актуальное членение предложения / И.П. Распопов. - Уфа: Изд-во Башкирского университета, 1961. - 163 с.
65. Распопов И.П. К вопросу о модальности предложения / И.П. Распопов // Ученые записки Благовещенского пед. ин-та. - Т.8. - Благовещенск: Изд. Благовещ. пед. ин-та, 1957. - С. 177 - 197.
66. Родионова С.Е. Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий / С.Е. Родионова. - М.: МАКС Пресс, 2004. - 608 с.
67. Рожкова Е.Н. Способы выражения экспрессивности в синтаксисе (на материале немецкого языка) / Е.Н. Рожкова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – Выпуск № 18 (113). – Том 11. – 2011. - С. 151-156.

68. Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь. – М.: Просвещение, 1976. - 400 с.
69. Сосновская, В.Б. Аналитическое чтение / В.Б. Сосновская. - М.: «Высшая школа», 1974. - 184 с.
70. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия - М.: Наука, 1986. - 144 с.
71. Теория функциональной грамматики / Под ред. А.В.Бондарко. – Л.: Наука, 1989,1990; СПб: Наука, 1991. - 262 с.
72. Тимофеев К.А. Об экспрессивных средствах синтаксиса русского языка (заметки и наблюдения) / К.А. Тимофеев // Экспрессивность на разных уровнях языка: Межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск: НГУ, 1984. - С. 3 - 6.
73. Токтамысова Д.Б. Прагматический компонент лексической оценки лица в современном английском языке (положительная оценка) / Д.Б. Токтамысова. - Дис. канд. филол. наук. - Алматы, 1996 - 194 с.
74. Тошович Б. Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков / Б. Тошович. – М., 2006. - 561 с.
75. Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в языке / И.И. Туранский. - М.: Высшая школа, 1990. - 173 с.
76. Хомская Е.Д. Мозг и эмоции / Е.Д. Хомская. Нейропсихологическое исследование. - М.: МГУ, 1998. - С. 6-67.
77. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. – М.: Наука, 1992. - 281 с.
78. Черемисина М. И. Экспрессивный фонд и пути его изучения / М.И. Черемисина // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования: сб. науч. трудов. Вып. 8. Новосибирск: НГУ, 1979. С. 3–11.
79. Чернова С.В. Модальные глаголы в современном русском языке. Семантическая модель «замысел - осуществление замысла» / С.В. Чернова. – Киров: Изд. ВГПУ, 1996. - 284 с.

80. Шаховский В.И. Проблема разграничения экспрессивности и эмотивности как семантической категории лингвостилистики /

В.И. Шаховский // Проблемы семасиологии и лингвостилистики. Вып. II. – Рязань, 1975. - С. 3-26.

81. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – Воронеж, 1987. - 190 с.

82. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография / В.И. Шаховский. - М.: Гнозис, 2008. - 416 с.

83. Шмелева Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности / Т.В. Шмелева // Актуальные проблемы русского синтаксиса. – М.: Изд. МГУ, 1984. - С. 78-100.

84. Шмелева Т.В. Диалогичность модуса / Т.В. Шмелева // Вестник Московского университета. – Сер.9. – Филология. – 1995. – №5. - С. 147-155.

85. Шмелева Т.В. Субъективные аспекты русского высказывания / Т.В. Шмелева. – Автореф. дисс...докт. филол. наук. – М., 1995. - 48 с.